

В. Г. Ивакин

Киевские погребения X века

Keywords: funeral rites, inhumation, chamber grave, cremation, topography.

Cuvinte cheie: rit funerar, înhumație, cameră mortuară, incineratie, topografie.

Ключевые слова: погребальный обряд, ингумация, камерная гробница, кремация, топография.

V. G. Ivakin

Kyivs burial monuments of X century.

Article is devoted to the description of kyivan burial places of the X century. All known sights of Old Russian burial places of the are marked on the archaeological map of Kyiv. The complete catalogue of burial places (168 complexes) of burial of the X century was created in Kyiv. Typology of construction of Old Rus burial of the population of Kyiv has been developed on the base of the catalogue, the basic categories of accompanying implement have been determined.

V. G. Ivakin

Mormintele de la Kiev din secolul X.

Articolul este dedicat descrierii mormintelor de la Kiev din secolul X. Toate mormintele ruse vechi cunoscute sunt cartografiate pe hartă arheologică a Kievului. Pe baza materialelor descoperite în necropolele de la Kiev s-a întocmit catalogul mormintelor din sec. X (168 complexe). Pe baza acestuia a fost elaborată tipologia construcțiilor funerare din sec. X, au fost stabilite principalele categorii de inventar funerar.

В. Г. Ивакин

Киевские погребения X века.

Статья посвящена описанию киевских погребений X века. Все известные древнерусские погребения нанесены на археологическую карту Киева. На материалах киевских могильников создан каталог захоронений X века (168 комплексов). На его основе была разработана типология погребальных конструкций X века, определены основные категории погребального инвентаря.

Дружинная эпоха Руси давно привлекает внимание историков и археологов. Именно в это время происходит создание и развитие крупного государственного образования в Восточной Европе — «Киевской Руси», занявшей важное место в общеевропейских политических и культурных процессах.

Рубеж I и II тысячелетий н.э. отмечался глобальными изменениями в восточнославянском обществе. Прогресс в области земледелия и ремесла создал условия для окончательного разложения родовых отношений и формирования классового общества (Толочко 1970: 18). В это время восточнославянская родоплеменная верхушка постепенно превращается в феодальную. В ее руках концентрируется большая часть

прибавочного продукта, начинает формироваться феодальная собственность на землю (Толочко 1983: 302—303). Эти процессы становятся характерными для всех районов расселения восточных славян, однако особенно интенсивны в Среднем Поднепровье. В регионе развивается строительство, совершенствуются ремесла, возникают новые города. Тесные связи Киевской Руси с развитыми странами того времени, прежде всего с Византией, способствуют и распространению христианства в Поднепровье. Здесь еще ранее, начиная с VIII в., проходит один из путей продвижения арабского серебра в скандинавские страны. Торговлей занимались скандинавские дружины купцов-воинов, а также представители других народов,

в том числе и восточные славяне (Франклин, Шепард 2000: 16—17). В X в. Киев становится довольно крупным городом. Об этом свидетельствует массовая городская застройка на Подоле (Гупало, Толочко 1975: 69—73; Сагайдак 1991: 84—95; Тараненко 2008: 79), а также большие дружинные некрополи на Киевских горах (Голубева 1949: 104—105; Каргер 1958: 134—138). Главными источниками роста богатства города были торговля и ремесло, а также плодородная земледельческая округа. Большую роль, наряду с другими городами, Киев играет в политическом, культурном и социально-экономическом развитии Древней Руси.

Ввиду недостаточной базы письменных источников, именно археологические памятники X в. особенно важны для изучения истории Киевской Руси. С одной стороны, происходит постоянное количественное накопление археологических источников, с другой, благодаря методическим новациям, существует возможность исследования ранее известных материалов. Среди них наиболее информативными необходимо признать древнерусские погребальные памятники, дающие возможность реконструировать социальные, демографические, этнокультурные и духовные особенности и изменения, происходившие в древнерусском обществе в X в. Погребальные памятники особенно древнерусской столицы являются одними из важнейших источников для изучения истории всей Руси.

Несмотря на указанную информативность, эта категория киевских археологических памятников еще недостаточно освещена в отечественной и зарубежной историографии.

В данной работе мы попытались систематизировать погребальные памятники древнерусского Киева, а также реконструировать городскую погребальный обряд на основании единой типологической схемы и выявления статистических закономерностей. Для этого использованы все имеющиеся археологические материалы. Создан каталог погребений дружинного периода, который насчитывает 168 погребальных комплексов (кремации и ингумации). Среди ингумационных захоронений по типу погребальной конструкции выделены: 29 захоронений, принадлежавших элите киевского общества (камеры и другие разновидности элитарных погребений), и 126 погребений рядовых киевлян (совершенных в гробах и могильных ямах). При ссылке на каталог в тексте применяются следующие обозначения: Кр — кремация; А — элитное ингумационное погребение; В — рядовое ингумационное погребение.

В работе представлена информация о погребальных древностях исключительно X в. Нижняя граница определена отсутствием захоронений, датирующихся ранее рубежа IX—X в. Что касается верхней, после принятия христианства на Руси обряд претерпевает настолько существенные изменения, что памятники XI—XIII вв. выделяются нами в отдельный этап. Основное внимание уделено особенностям расположения курганных групп, типологии погребальных сооружений и характеристике погребальной обрядности. Анализ вещественного материала и точная датировка комплексов — широкая и дискуссионная тема, которая будет рассмотрена нами в дальнейшем.

История исследования

Весь период исследований погребальных памятников древнерусского Киева можно условно разделить на три больших этапа. Этим этапам археологического исследования Киева соответствуют развитие историографии и накопление археологических источников по данной теме.

1. 1860-е гг. — начало XX в. — начало археологического исследования погребальных памятников дружинного периода. Начинается постепенное накопление археологического материала. Первые находки древнерусских захоронений связаны с раскопками Десятинной церкви, а также с ростом территории города на протяжении XIX в. В 60—90-х годах XIX в. происходило изучение центральной части древнего Киева и его исторических окраин благодаря усилиям В. Антоновича, Я. Волошинского, Т. Кибальчича, И. Хойновского, В. Хвойки, в результате которых было открыто значительное количество захоронений дружинного времени. Однако первый этап изучения киевских могильников отличался аматорским характером исследований, отсутствием необходимой фиксации и аналитической интерпретации найденного материала. Все это отразилось в общих публикациях упомянутых исследователей, часть которых была посвящена непосредственно погребальным памятникам. Отметим, что все эти работы в целом соответствовали общему состоянию археологической науки в стране, ее постепенному развитию и накоплению профессиональных знаний.

2. 1910—1960-е гг. — время активного накопления материала, определения границ отдельных могильных групп, выделение основных концепций развития погребального обряда, разработка научной методики архео-

логических исследований. Особенно высоким методологическим уровнем отличались работы, производимые Д. Милеевым на территории, окружающей Десятинную церковь. В результате его исследований обнаружено большое количество погребений X в. и осуществлена первая попытка хронологического определения и распределения выявленных захоронений.

В 1920—1930-е гг. раскопки проводили С. Гамченко, Т. Мовчановский, С. Магура. Часть обнаруженных погребальных памятников упомянута в кратких публикациях. С 1938 г. по 1952 г. систематические исследования осуществляла совместная Киевская археологическая экспедиция ИИМК СССР и ИА АН УССР во главе с М. Каргером. Осуществлялось масштабное исследование Верхнего Киева. Открыты новые погребальные памятники X в. Погребальным памятникам Киева посвящаются специальная работа Л. Голубевой («Киевский некрополь», 1949 г.) и ряд работ М. Каргера, обобщенных в соответствующем разделе его фундаментальной монографии «Древний Киев» (1958 г.). В них впервые очерчена топография дружинных могильников (Некрополи I и II), разработана типология захоронений, рассмотрены вопросы хронологии погребальных памятников Киева IX—X вв. Эти работы и сегодня остаются одними из основных по данной проблематике.

3. 1970—2000-е гг. — период роста полевых исследований и выявления новых многочисленных погребальных памятников, а также углубленного изучения накопленного материала. Создание постоянно действующей Киевской экспедиции Института археологии АН УССР в 1970 г. (руководитель П. Толочко) определило переход к новому качественному уровню исследования города. Планомерное и систематическое археологическое изучение всей исторической территории Киева закономерно привело к открытию новых захоронений в разных исторических районах города. Публикуется ряд статей по материалам погребений X в., обнаруженных в последние десятилетия (П. Толочко, Я. Боровский, В. Зоценко, Г. Ивакин, С. Килиевич, И. Мовчан, В. Козюба, Ф. Андросчук, К. Михайлов и др.).

Подытоживая историю полуторавекового периода исследований, следует отметить, что погребальные памятники дружинного Киева, несмотря на значительное внимание со стороны археологов, изучены неравномерно, а материалы 40 последних лет не в полной мере введены в научный оборот, не обобщены на современном уровне.

Историческая топография

В этом разделе из общего числа киевских дружинных погребальных комплексов мы попытаемся выделить и локализовать курганные группы и отдельные погребения. Еще Л. Голубева и М. Каргер старались определить топографические особенности городских могильников. Так, Л. Голубева выделяла три курганные группы: в районе Десятинной церкви, в районе Софийского монастыря и в районе ул. Фрунзе (Голубева 1949: 106—107). М. Каргер ограничился разделением захоронений на два основных некрополя. Первый располагался в пределах будущего города Ярослава, второй раскинулся на террасах и горах над ул. Фрунзе (Каргер 1958: 134—138). По нашему мнению, топография киевских могильников дружинного времени, предложенная М. Каргером, наиболее соответствует реальному положению дел.

Однако сегодня, после находок новых погребальных комплексов, необходимо уточнение топографических особенностей «дружинных» погребальных памятников (рис. 1).

Некрополь I. Погребальные памятники вряд ли могли сплошь покрывать территорию Верхнего города от Старокиевской горы до Золотых ворот (более 60 га). Скорее всего, они образовывали отдельные курганные группы в зависимости от рельефа. Указанная территория и сегодня состоит из гористых возвышенностей и оврагов. Именно на высоких точках и были расположены следующие курганные группы (рис. 2).

Курганная группа 1. Для удобства изучения мы разделили ее на две части: А (в районе Десятинной церкви) и Б (квартал между улицами Владимирской, Десятинной и Большой Житомирской).

А. Первые археологические раскопки на территории усадьбы Десятинной церкви проведены еще киевским митрополитом Петром Могилой. На соседней с церковью усадьбе (ныне территория Национального музея истории Украины) раскопки грабительского характера совершали ее тогдашние хозяева помещики А. Муравьев и А. Анненков. По показаниям В. Хвойки, А. Анненков уничтожил много древних захоронений (Хвойка 2008: 80—81). Когда усадьба перешла к новому хозяину — М. Петровскому, ситуация несколько изменилась. М. Петровский позволил В. Хвойке провести археологические исследования на территории, свободной от застройки, и на территории сада. Среди многочисленных находок ученый отмечает наличие древних захоронений: «погребения в виде отдельных

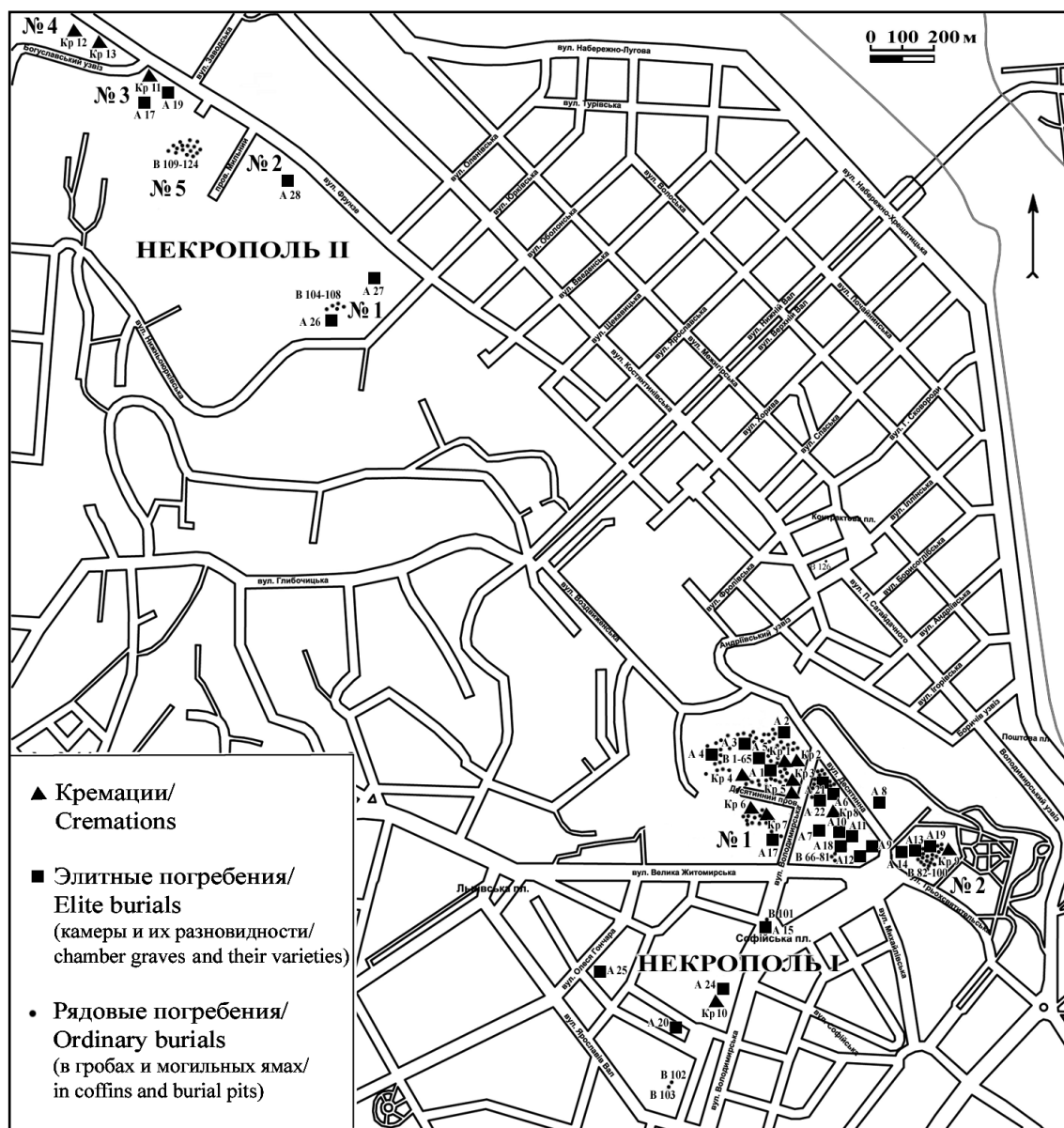

Рис. 1. Киевские могильники X в.

Fig. 1. Kiev cemeteries of X century.

площадок из обожженной глины со сглаженной поверхностью, на которых лежал человеческий костяк в вытянутом положении, со сложенными на грудь руками, обращенный головой на запад, на груди или около шеи которого находился крестик. Такая площадка обыкновенно была окружена камнями или древними кирпичами» (Хвойка 2008: 93). К сожалению, уровень фиксации археологических объектов исследователем был недостаточным. Информация о некоторых комплексах сохранилась только в выписках Г. Корзухиной, сделанных ею во время работы с личным архивом А. Спицына (Корзухина 1956: 341).

В 1908 г. по инициативе Археологической комиссии под руководством архитектора Д. Милеева начались исследования

руин Десятинной церкви и продолжались до 1914 г. В ходе этих работ был обнаружен большой древнерусский могильник. Выявленные Д. Милеевым захоронения дали повод членам ИАК С. Вельмину и Б. Фармаковскому говорить о существовании кладбища первых киевских христиан, на месте которого Владимир Святославович построил Десятинную церковь (Вельмин 1909: 138—139; Фармаковский 1913: 293). Кроме кладбища XI—XIII вв., были открыты и более древние захоронения: пять кремационных захоронений, два камерных захоронения в деревянных срубах и 45 захоронений в деревянных гробах и могильных ямах. К сожалению, полевая документация сохранилась фрагментарно. Оставшиеся ред-

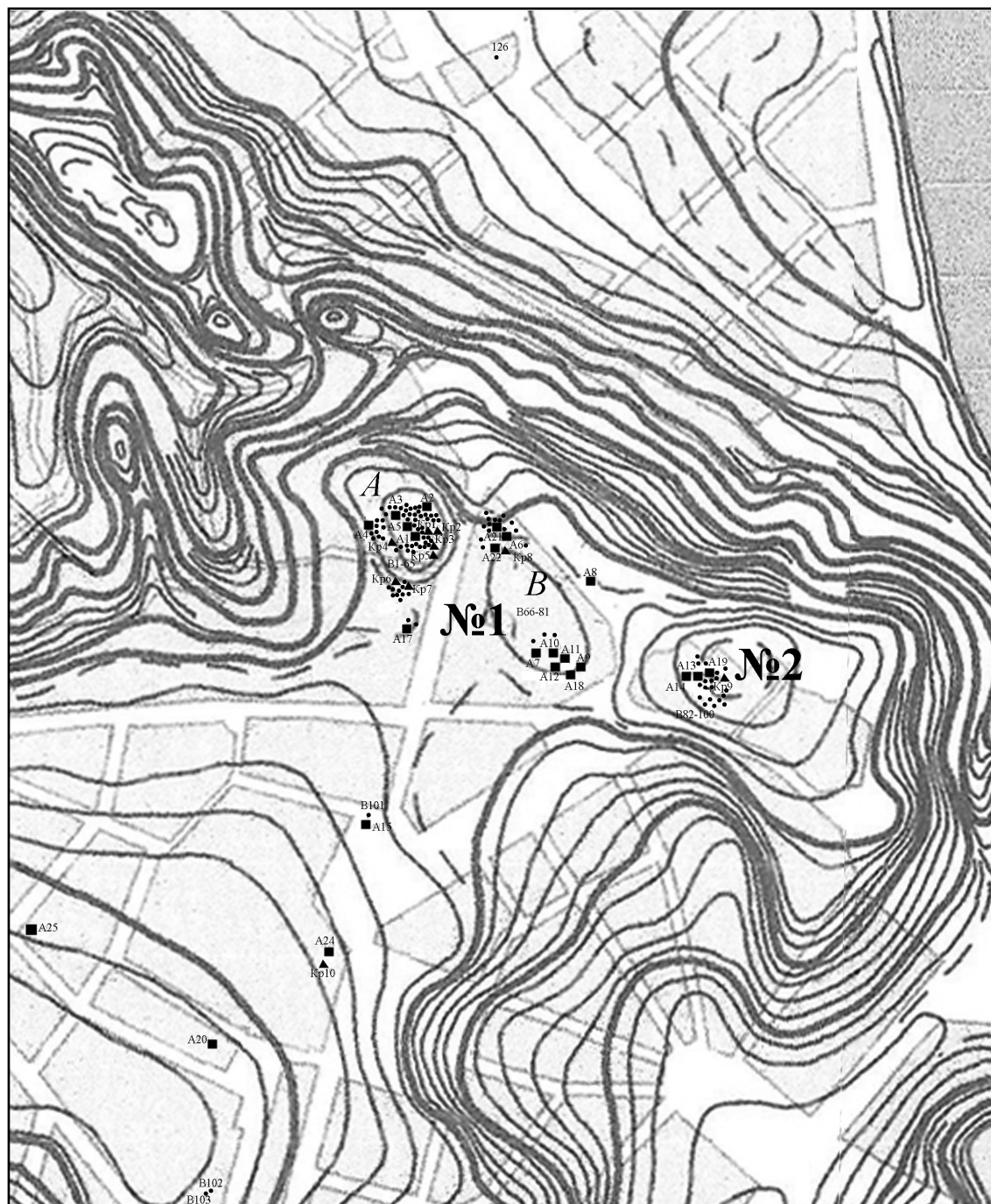

Рис. 2. Курганные группы Некрополя I.

Fig. 2. Courgan groups of Necropolis I.

кие отчетные документы позволяют лишь частично восстановить картину киевских раскопок 1908—1914 гг.

В 1936—1937 гг. Т. Мовчановский исследовал усадьбу Художественной школы (территория Национального музея истории Украины) и район близ Десятинной церкви. Здесь были открыты два богатых погребения в срубах (в одном из них рядом с дружинником находились женщина и конь) (Копылов 1951: 233—235; Каргер 1958:

178—182). Археологические исследования М. Каргера обнаружили еще одно камерное погребение под западными фундаментами Десятинной церкви. Раскопки 1977 г. в усадьбе № 5 на Десятинном переулке открыли кремацию (Килиевич 1982: 142—143).

С 2005 г. начались масштабные исследования территории, расположенной вокруг Десятинной церкви. Открыт ряд захоронений в слоях, не исследованных в начале XX в. В 2008 г. в Десятинном переулке, 3/5, во вре-

мя исследований юго-западного дворца СЭ ИА НАНУ обнаружены девять ингумаций и одна кремация, которые относятся к X в. (автор приносит сердечную благодарность А. Козловскому и М. Иевлеву за предоставленный материал).

За все годы исследований участка А зафиксировано 78 захоронений в районе Десятинной церкви (семь трупосожжений, пять захоронений в камерах, одно в большой могильной яме и 65 рядовых ингумаций). По количеству найденных захоронений эта курганная группа наиболее исследованная, является самой многочисленной в Киеве, занимает северо-западную часть Старокиевской горы, отделенную от остального плато оврагами, которые проходили по траекториям нынешних улиц Владимирской и Большой Житомирской.

Б. Первые археологические находки в этом районе (усадьба С. Трубецкого) связаны с раскопками местных курганов Т. Кибальчицем в 1879 г. На археологической выставке в Москве он экспонирует черепа и археологический материал, сопровождая находки кратким описанием обстоятельств обнаружения и местонахождения. Из этих документов мы узнаем о многочисленных древних захоронениях на территории усадьбы С. Трубецкого. По словам Т. Кибальчица, «костяки лежали главным образом от севера и северо-запада к югу и юго-востоку; попадались также костяки в сидячем положении и сожженные с ними погребальные урны древнейшей формы, серебряные серьги, так называемого, киевского типа, и посуда, относящаяся к великокняжескому периоду Киева» (Каргер 1958: 129). После покупки части территории инженером Я. Кривцовым проводятся земляные работы для нивелирования местности, которая была намного выше уровня улицы (Хойновский 1893: 1). В 1892 г. надзор за этими работами осуществлял И. Хойновский, который прекрасно понимал невозможность проведения академических раскопок: *«Правильность археологической раскопки была, в этом случае, немислима. Земля снималась не послойно, а сразу вся четырехаршинная ее высота. Двадцать человек землекопов становились в рядъ на высоте края земли и ломали откалывали на аршинном пространстве промерзший верхний слой, потом снимали его вглубь до уровня улицы, выкидывая землю прямо на ящики грабарок, вывозивших ее сейчас же со двора»* (Хойновский 1893: 2). За мелкие деньги И. Хойновский скупал у землекопов археологические артефакты. Таким образом были открыты более пятидесяти захоронений,

среди которых преобладают труположения в гробах и могильных ямах.

Парное захоронение в деревянном срубе выявлено раскопками 1946 г. на ул. Большой Житомирской, 4 (Каргер 1958: 185—187). В ходе работ КАЭ ИА УССР под руководством Я. Боровского 1975—1977 гг. на ул. Владимирской, 3, обнаружены две ингумации (Толочко, Боровский 1979: 7—9). На углу ул. Десятинной и Михайловской площади открыто погребение, совершенное в каркасно-столбовой камере (Килиевич, Харламов 1984: 14; Мовчан и др. 2003: 114—115). В 1988—1989 и 2002 гг. во дворе на ул. Большой Житомирской, 2, проводились масштабные археологические работы, в результате которых были открыты три погребения в камере (Боровский и др. 1989: 5—12; Боровский, Архипова 1993: 3—8; Мовчан 2002: 62; Мовчан, Боровский 2003: 190—191).

Таким образом, на участке Б найдено 24 погребальных комплекса (одна кремация, 11 элитных погребений и 12 рядовых захоронений).

Курганная группа № 2 (на Михайловской горе). Захоронения, совершенные по обряду кремации, найдены на Михайловской горе еще в первой половине XIX в. Однако краткое описание находок не дает возможности четко определить их культурную принадлежность (Каргер 1958: 162—163).

Во время исследований Михайловского монастыря в 1937—1940 гг. найден ряд захоронений, отнесенных И. Иванцовым к языческому некрополю IX—X вв. (Иванцов 2003: 77—78). В 1940 г. к востоку от северной апсиды Михайловского собора раскопано 22 погребения с инвентарем (Голубева 1949: 116). Однако отсутствие полевой документации раскопок не позволяет отнести эти комплексы к курганному могильнику.

Перед началом реконструкции Михайловского Златоверхого собора ААЭ ИА НАНУ в 1996—1999 гг. были проведены археологические исследования в этой части древнего Киева. Выявлена курганная группа из 22 захоронений, возникшая во второй половине X в. (Ивакин и др. 2003: 93—103). Захоронения были перекрыты курганными насыпями, уничтоженными во второй половине XI — начале XII в. в результате перепланировки, связанной со строительством Михайловского монастырского комплекса. Только в одном случае стратиграфически прослежены остатки курганной насыпи (Ивакин и др. 2003: 93). Три захоронения осуществлены в камерных гробницах, другие — в деревянных гробах. Большинство захоронений имеет западную

ориентировку с сезонными отклонениями. Два камерных захоронения с деревянными конструкциями сложены из поставленных на ребро досок, которые по углам крепились «в обло» с выступающими концами и могли представлять финальную стадию развития конструкции камерных погребений киевского некрополя 70—80-х гг. X — первой половины XI в. (Ивакин и др. 2003: 102).

Исходя из анализа вещей, обнаруженных в захоронениях группы, авторы раскопок считают временем ее функционирования период со второй половины X до середины XI вв. (Ивакин и др. 2003: 101).

К Некрополю I относятся также немногочисленные разрозненные погребения на остальной части будущего «града Ярослава», которая исследована археологами в меньшей мере, чем киевский детинец и Михайловская гора.

На территории Софийского монастыря и Софийской площади обнаружен ряд погребений дружинного периода. Захоронение дружинника с конем открыто в мае 1878 г. во время строительства флигеля на территории Софийского монастыря (Лебединцев 1878: 64).

Кремация открыта в 1890-е гг. на усадьбе Софийского собора. Среди инвентаря — бронзовая курильница и многочисленные перегоревшие остатки ткани (Хвойко 2008: 74).

Захоронения в деревянных колодах и гробах обнаружены Т. Мовчановским на территории Софийского монастыря в 1936 г. (Молчановский 1936: 2—3). К сожалению, отсутствие подробной документации раскопок не позволяет нам определить дату этих захоронений.

Погребение ребенка в камере обнаружено в 1998 г. в северо-западной части Софийской площади, неподалеку от Рыльского переулка. Поблизости найдено безынвентарное погребение в могильной яме. По радиоуглеродному анализу захоронения датируются IX—X вв. (Ивакин, Козюба 2003: 39—40).

Возможно, в районе Золотых ворот располагалась третья курганная группа Некрополя I. В 1832—1833 гг. К. Лохвицкий нашел несколько вещей, типичных для дружинных погребальных древностей (Лохвицкий 1836: 266). Конские удила, подкова, копье, стрела могли входить в состав инвентаря, сопровождавшего погребальный комплекс всадника с конем (Каргер 1958: 198). Археологическими изысканиями ВУАК в 1928 г. на территории усадьбы № 2 на ул. Золотоворотская найдены человеческие черепа, два перстня, печати и фрагменты посуды (Самойловский 1967: 9).

В 1939 г. перед Золотыми воротами обнаружен очередной объект. Поблизости от него найден костяк коня и ручка амфоры киевского типа. К сожалению, никакой полевой документации о захоронении не сохранилось (Самойловский 1967: 109).

В 1984 г. при сооружении котлована для дома на ул. Золотоворотской, 2, обнаружено несколько женских захоронений X в. Захоронение знатной женщины в деревянном гробу содержало богатые украшения: бусы, височные кольца, лунницы т. д. Тогда же неподалеку обнаружены остатки еще двух древних захоронений. Здесь же нашли бронзовое височное кольцо и фрагмент серебряного саманидского дирхема 907—914 гг. Ахмета ибн Исмаила (Боровский, Архипова 1993: 206—208).

Захоронение дружинника с конем обнаружено весной 1900 г. во время строительных работ на углу современных улиц Рейтарской и Олеса Гончара. (Гезе 1905: 134—146). Женское погребение в камере, ограбленное в древности, открыто на ул. Рейтарской, 4, в 2001 г. (Мовчан, Климовский 2002: 193). В 1909—1910 гг. на углу улиц Рейтарской и Стрелецкой Д. Милеев открыл фундаменты древнерусской церкви, которую часть исследователей отождествляют с собором св. Ирины (Ивакин 2008: 37). Возможно, упомянутая в летописях могила Диры «за святой Ариной» принадлежала как раз к этой курганной группе (Лаврентьевская летопись 2001: 23).

Некрополь II. Курганные группы, расположенные над ул. Фрунзе, главным образом, представлены захоронениями, случайно открытыми во время строительных работ во второй половине XIX в. (рис. 3). В 70-е и 90-е гг. XIX в. В. Хвойка проводил археологические исследования захоронений, однако недостаточность сопроводительной документации и материалов не позволяет провести полную научную интерпретацию и точную датировку могильника (Хвойка 2008: 72—73). М. Каргер, по данным периодической литературы того времени, собрал сведения о погребальных комплексах, обнаруженных в Плоской части Киева, которые отнес к Некрополю II. Исследователь предполагал принадлежность погребальных комплексов к различным поселениям (Каргер 1958: 135). В этом районе можно выделить семь курганных групп.

Курганная группа 1. К ней В. Зоценко относит захоронения, открытые М. Беляшевским в 1899 г. при строительстве кирпичного завода Гудымы на усадьбах А. Лурье и Д. Левина (ул. Нижнеюрковская, 4—6) (Зоценко 2009:

Рис. 3. Курганные группы Некрополя II.

Fig. 3. Curgan groups of Necropolis II.

42—65). Здесь раскопан «курган-могикуан» (A26) — около четырех метров высотой и окружностью до 40 м (Беляшевский 1903: 357—361). Неподалеку на мысу террасы открыты еще пять захоронений, совершенных в грунтовых могилах в деревянных гробах (Раскопки на Верхней Юрковице 1899: 79; Беляшевский 1903: 357—361; Каргер 1958: 127—230).

В 500 м к юго-востоку от захоронения A26 в 1989 г. по адресу ул. Юрковская, 1, обнаружена подвеска-амулет в виде «молоточка Тора», характерная для дружинных захоронений Средней Швеции (Зоценко 2009: 42—65).

В начале 90-х гг. XIX в. (до 1894 г.) во время земляных работ на территории пивоваренного завода М. Риккерта (ул. Фрунзе, 35) выявлена еще одна группа курганных комплексов. Уровень местонахождения отвечал уровню подошвы первой террасы горы Юрковицы. Характеристика конструкции могилы и особенностей обряда погребения A27 остались неизвестными.

Курганная группа № 2. Сюда можно отнести комплекс погребения дружинника с лошастью

A28, обнаруженного в 1872 г. во время строительства пивоваренного завода Н. Хрякова на усадьбах № 43—47 на ул. Фрунзе. Из инвентаря данного захоронения известны «совершенно испорченный окисью меч с железной рукоятью, украшенной серебряной насечкой», и медная булавка, «открытые вместе со скелетом человека и лошади» (Николаев 1873: 8—9). В рукописях В. Антоновича за 1877 г. «Известия о археологических находках» упоминаются: «...всадник, кольчуга, шишак ... точильный камень в оправе, серьги из золотой и серебряной проволоки с бусинами, медальон из восточной монеты — половины VIII или конца IX вв.» (Антонович 1877: 2). В. Зоценко датирует погребальный комплекс второй половиной X в. (Зоценко 2009: 42—65).

Курганная группа № 3. Еще одна группа курганных захоронений исследована на двух первых террасах между южными и северными склонами Лысой горы, где позднее располагалась Иорданская церковь. Здесь на усадьбе купца И. Марра (ул. Фрунзе, 53—59) во время перепланировки в 1876 г. открыты два ингумационных захоронения, насыпи над которыми

уже были разрушены, и кремация (Антонович 1895: 31; Каргер 1958: 210—212).

В. Антонович свидетельствует, что в захоронении дружинника с конем А17 нашли меч, шлем, пару стремян, восемь наконечников стрел, топор и бронзовую с серебряной насечкой пряжку (Антонович 1884: 42—43).

Захоронение А29 принадлежало богатой женщине (Антонович 1884: 31). Однако в рукописном описании В. Антоновича упоминается инвентарь, принадлежавший мужчине: «...обоюдоострый меч с главной, железная часть шишака, стремяна, наконечники стрел, поясная серебряная пряжка с насечкой, железный наконечник копья, топор» (Антонович 1877: 2). Совмещение женского и мужского инвентаря имеет место и в заметках А. Роговича (Рогович 1876: 233—234). Ф. Андросчук считает данный комплекс единым, включавшим как парное захоронение дружинника с конем, так и женское захоронение под одной курганной насыпью (Андросчук 2004: 39—40).

Во время земляных работ на этой же усадьбе 1876 г. обнаружили кремацию (Кр11) (Антонович 1884: 43). В. Зоценко считает, что трупосожжение в перевернутом горшке принадлежит пеньковской культуре VI—VII вв. (Зоценко 2009: 42—65).

Курганная группа № 4. В конце XIX в. В. Хвойка исследует захоронения, совершенные под невысокими курганными насыпями на северном берегу Иорданского ручья (усадьбы Зивала и Багреева №№ 59—61 на ул. Фрунзе). В грунтовых захоронениях встречались серебряные дирхемы. Здесь же он открывает ряд кремаций (Хвойка 2008: 72—73). К сожалению, ничего из документации, касающейся этих раскопок, не сохранилось. В. Зоценко относит их к ранним этапам культуры Луки-Райковецкой — VIII — началу IX вв. (Зоценко 2009: 42—65).

Курганная группа № 5. В 1965 г. ИА УССР проводил археологические исследования на горе Юрковице (Е. Максимов). В результате раскопок был выявлен древнерусский могильник с 16 захоронениями, которые по керамическому материалу и находкам датируются второй половиной X — началом XI в. (Максимов, Орлов 1982: 63—72).

Известны еще две курганные группы, которые, скорее всего, не имели отношения к Киеву и были оставлены жителями отдельных поселений, расположенных в районе летописных Дорогожичей.

Курганная группа А. М. Каргер отнес к Некрополю II курганные группы (несколько сотен небольших курганов) с грунтовыми захоронениями, открытые В. Хвойкой на плато

в усадьбе № 71 по ул. Фрунзе. Скелеты лежали в вытянутом положении головой на запад. По вещественным находкам (серебряные серьги, бусы, украшенные зернью, стеклянные сосуды) погребальные комплексы датируются X в. (Хвойка 2008: 72).

Курганная группа Б. В. Хвойка обнаружил и частично исследовал грунтовый могильник на краю плато над усадьбой № 81 на ул. Фрунзе. По обряду кладбище можно датировать концом X — началом XI вв. (Хвойка 2008: 73).

Согласно имеющейся информации, курганные группы №№ 1—5, расположенные на плато и террасах над ул. Фрунзе, принадлежат поселению X — начала XI в. на г. Юрковица (Лысая гора). Оно являлось форпостом, защищавшим путь на Киев с северо-запада, и полностью подчинялось киевской администрации. Начало функционирования Некрополя II можно отнести к середине — второй трети X в. Так, В. Зоценко датирует захоронения А17, 27 и В107, 108, а также курганы, расположенные на второй террасе вдоль северного берега Иорданского ручья. Наиболее поздние погребения могильника, по его мнению, представляет «курган-могилан» (А26). По найденным в кургане вещам В. Зоценко относит этот комплекс к 970-м гг. (Зоценко 2009: 42—65). Не исключено, что кремационные захоронения принадлежали местному населению и жителям славянских поселений, которые предшествовали образованию Киева.

Большинство курганных захоронений Некрополя I оказались под застройкой XIX—XX веков, а их насыпи были сnivelированы. В то же время земляные насыпи Некрополя II исследователям удалось четко зафиксировать. Очевидно, что традиция возведения курганов над захоронением была свойственна всем дружинным памятникам Киева.

Курганные группы Некрополя I располагались на топографически высоких точках, их границами были овраги и низины, на которых позже проложены улицы города XI—XIII вв. Не исключено, что группы возникали по «родственному» принципу. Вполне очевидно, что именно здесь в течение X — начале XI вв. жители киевского Подола хоронили покойников. На территории Подола первые могильники (прицерковные) возникают во второй половине XI в. (Ивакин, Тараненко 2009: 258).

Не исключено, что в данном случае обычай хоронить на возвышенностях был обусловлен необходимостью максимально защитить могилы от разрушительных наводнений. Возможно, что обычай погребений

на киевских горах связан с религиозными представлениями населения Киева, а именно, желанием поскорее переправить умерших родичей к сонму предков, которые уже находятся возле богов («Гора» ближе к «Небу», следовательно, и к Богам) (Велецкая 1978: 134). Таким образом, Подол в представлении киевлян был «земным» местом для живых, а киевские горы — сакральным пространством для мертвых, приближенных к небу. Традиция хоронить на Киевских горах сохранилась и в дальнейшей истории города. Большая часть погребальных комплексов XI—XIII вв. расположена на Старокиевском плато и горах, окружающих его (Щекавица, Детинка и т. д.), в то время как на большей по площади Подольской части выявлено не более 20% известных на сегодня погребений (Ивакин 2008: 93).

Погребальный обряд X в.

Подкуранные захоронения древнего Киева делятся на две группы: трупосождения и трупоположения. Синхронное сосуществование двух различных обрядов всегда вызывало дискуссии в научных кругах. Попробуем на примере киевских могильников разобраться в процессах, которые привели к исчезновению кремационной обрядности и переходу к трупоположению. Для этого нам необходимо обратиться к истории эволюции погребального обряда населения, проживавшего в районе будущего Киева.

Обряд сожжения покойников был главным для славянских племен, обитавших на территории Среднего Приднепровья на протяжении I тысячелетия н. э. Можно с уверенностью утверждать, что кремация была основным погребальным обрядом и для всех восточнославянских племен.

В VI—IX вв. славянские племена, с которыми связывают истоки Киевской Руси, представлены археологическими культурами Прага-Корчак и Лука-Райковецкая. Последняя вместе с роменской культурой являются одними из главных компонентов формирования древнерусской культуры (Баран 1998: 122—125). Для всех этих образований характерно господство обряда кремации (Седов 1982: 101—113). Славянские могильники этого периода размещаются за пределами поселений и состоят из бескурганных и курганных захоронений. Захоронение покойников осуществлялось как на стороне, так и на месте сожжения (Моця 1987: 13). В более раннее время преобладают кремации, совершенные

на стороне. Кострище, на котором сжигали покойника, достигало иногда 2—3 м в диаметре. На нем оставались и сопровождающие предметы. Как правило, они сгорали или подвергались сильному воздействию огня. Погребальный инвентарь большинства славянских погребений преимущественно беден: глиняные горшки, мелкие металлические предметы, изделия из кости и стекла. Для кремационного обряда восточных славян характерна традиция культового разбивания на похоронах глиняной посуды. Остатки кремации высыпали в глиняные урны, в небольшие ямки или оставляли на поверхности (Тимошук 1976: 97).

Кремационные захоронения

В киевских дружинных некрополях зафиксировано 13 погребений, совершенных по обряду кремации (8% от числа всех известных погребений данного периода). Все они представлены кальцинированными костями людей и животных, которые содержались в керамических сосудах (иногда от урн оставались только фрагменты). Десять комплексов совершенно лишены инвентаря (Кр2—6, 8, 9, 11—13). Во всех захоронениях сожженные кости содержались в глиняных урнах или были накрыты горшком, перевернутым вверх дном. В трех трупосождениях (Кр1, 7, 10) найден погребальный инвентарь. Среди инвентаря погребения, исследованного на территории Софийского монастыря (Кр10), упоминаются бронзовая курильница и многочисленные перегоревшие остатки ткани. По свидетельству В. Хвойки, на кострище прослежены зерна пшеницы и проса, которые располагались слоями (Хвойка 2008: 74). Большинство кремаций, скорее всего, были одиночными.

Лишь одна кремация (Кр5) представляла собой сжигание на месте (линза длиной 1,3 м, толщиной 0,1 м с пережженными человеческими костями и разбитыми сосудами, а также костями животных) (Каргер 1958: 164; Кириевич 1984: 142; Козюба 2005: 179). Остальные, очевидно, совершены на стороне.

Особенности киевских захоронений, совершенных по обряду кремации, характерны для восточнославянских погребальных древностей V—VIII вв. и имеют много общих черт с другими языческими погребальными традициями, зафиксированными на других древнерусских могильниках (Блифельд 1977: 14—15, Булкин и др. 1978: 21, 30—33; Седов 1982: 248).

№5. 2011

Рис. 4. Соотношение кремаций и ингумаций.

Fig. 4. Value for cremation and inhumation.

Ингумации

Подавляющее большинство известных сегодня захоронений X в. осуществлены по обряду ингумации, и именно эту традицию мы можем уверенно называть господствующей для дружинных могильников Киева. На территории исторического ядра города выявлено 155 ингумаций (92%), относящихся к дружинному периоду (рис. 4).

Типы погребальных сооружений

Погребальная традиция дружинного Киева знала несколько типов погребальных конструкций: захоронения в погребальных камерах и их разновидностях; в деревянных гробах; погребения, совершенные непосредственно в могильных ямах (рис. 5). Подобное разнообразие объясняется социальным расхождением общества русов. Камерные погребения и их разновидности (A1—29) принадлежали киевской военной аристократии. Рядовых киевлян, как правило, хоронили в гробах и могильных ямах. Существуют и исключения: В1, 11, 51, 102 сопровождаются инвентарем, характерным для богатых представителей дружинной субкультуры.

Камерные погребения. Термин «камера» заимствован отечественной археологической наукой у скандинавских коллег (от английского «chamber-grave» и нем. «Kammergrab»,

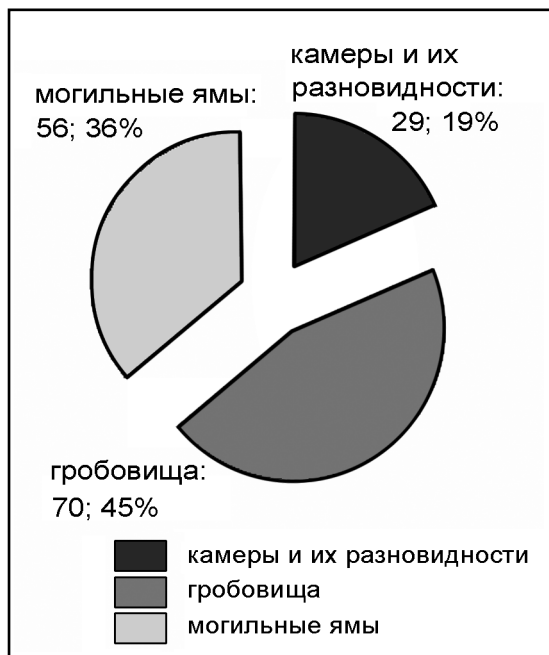

Рис. 5. Типы погребальных конструкций.

Fig. 5. Types of funerary constructions.

то есть погребальная комната, кладовая). Первые камерные захоронения были открыты европейскими учеными в XIX в. (исследования Ф. Магнуссеном и К. Томсеном захоронения короля Горма в Эллингге (Дания) и раскопки Х. Столле в Бирке (Швеция)) (Михайлов 2001: 159). Камерные погребения отличаются от других типов большим размером и сложностью деревянных конструкций. Основные критерии, по которым мы отделяем камерные захоронения от других типов захоронений, вызывают активную дискуссию среди исследователей древнерусского погребального обряда (Жарнов 1991: 207—208; Михайлов 2005: 10). Опираясь на разработки таких исследователей, как Я. Ламм, А.-С. Греслунд, Ю. Жарнов, К. Михайлов, можно выделить следующие основные признаки камерных погребений:

1) Размеры конструкции. А.-С. Греслунд важнейшим признаком камерных погребений могильника Бирки справедливо считает ширину могильной ямы в соотношении с длиной ямы (Gräslund 1980: 27). Таким образом, к киевским камерам можно отнести конструкции, ширина дна ямы которых составляет не менее 1,0—1,5 м, длина — не менее 2,5 м. Средняя площадь киевских камер равна примерно 9,5 м².

2) Наличие сложных деревянных конструкций, построенных на месте, т.е. в погребальной яме (Lamm 1973: 66). Большинство исследователей считает этот признак основным (Жарнов 1991: 207—208; Михайлов 2005: 10).

Однако последний критерий имеет относительный характер для некоторых киевских камер. В лессовых почвах киевских холмов деревянные конструкции плохо сохраняются и не во всех случаях зафиксированы в процессе исследования. Это касается, в первую очередь, киевских памятников, открытых в дореволюционный период.

3) Присутствие богатого и разнообразного инвентаря, который свидетельствует о высоком социальном статусе умершего.

Необходимо заметить, что захоронение дружинника с конем и парное захоронение дружинника с женщиной в Киеве встречаются исключительно в камерных погребениях.

Приведенные критерии необходимо применять в комплексном сочетании: большие размеры могильной ямы могут быть признаком камерного обряда только в сочетании с другими конструктивными и ритуальными особенностями (Михайлов 2005: 10). Подобные сооружения на территории Украины открыты на территории Киева и в округе Чернигова.

В Киеве обнаружено 16 погребений (10% от всех труположений), которые по вышеуказанным признакам можно отнести к камерным захоронениям. Возможно, к ним можно отнести и другие комплексы. Захоронение В66 выявлено и исследовано Т. Кибальчицем в 1879 г. на ул. Десятинной. Здесь найден характерный для камерных погребений сопровождающий инвентарь: костяная подвеска под уздечку, наконечники стрел, копий и т. д. (Хойновский 1893: 13). Не исключено, что захоронение было камерным, однако по причине непрофессиональных раскопок Т. Кибальчица зафиксировать конструктивные особенности погребального сооружения не удалось.

И. Хойновский в усадьбе Я. Кривцова в 1892 г. открыл срубные конструкции с деревянным накатом, в которых выявлены человеческие скелеты и горшки с кашей. Автор раскопок интерпретировал находку как упомянутый в летописях поруб, а обнаруженные скелеты, по мнению И. Хойновского, принадлежали пленникам, которых после монгольского погрома оставили в темнице, и они погибли от голода (Хойновский 1893: 16). Возможно, эти объекты являлись остатками камерных погребений.

Среди древнерусских погребальных камер известны два основных типа погребальных конструкций: срубные (сложенные из горизонтальных досок и бревен) и каркасно-столбовые. Необходимо отметить, что при сооружении киевских камер чаще использовалась срубная строительная традиция.

Срубные камеры более или менее четко зафиксированы в 14 киевских захоронениях (А1—6, 8, 10—16). Сложнее дело обстоит с погребением А8. От погребальной конструкции сохранились лишь две параллельные деревянные лаги (Килиевич 1982: 151—152). Это камерное захоронение было уничтожено поздними постройками, однако, судя по конструктивным остаткам, его следует отнести к срубному типу.

В свою очередь, камеры-срубы строили с применением двух основных строительных технологических приемов крепления углов: «в обло» и «в лапу». Обе технологии копировали основные строительные традиции, существовавшие на Руси в X в. Срубная техника строительства археологически зафиксирована в большинстве древнерусских городов. В литературе преобладает мнение, что к западу от Днепра основным типом раннесредневекового жилища были сооружения срубной конструкции, а к востоку — каркасно-столбовые (Раппопорт и др. 1985: 137). Исследователи древнерусского Подола считают, что на территории одного из древнейших киевских районов большинство всех сооружений X—XI вв. было построено в срубной технике (Харламов 1990: 9; Тараненко 2008: 79—80). Среди зафиксированных древнерусских камер заметно преобладают соединенные «в обло» (Михайлов 2001: 166).

Соединение «в обло» прослежено в восьми киевских камерах (А1, 5, 10—15). Из-за плохой сохранности органики трудно определить породу дерева, из которого сделан сруб. Однако, по аналогии с жилищным строительством Киева, можно предположить, что для сооружения погребальных конструкций использовали сосну — как наиболее удобный (прямой ровный ствол дерева) и распространенный материал. Иногда использовали деревья лиственных пород (дуб, бук, вяз) (Сагайдак 1991: 66—67).

1. Камеры из горизонтальных бревен, сложенных в «обло». Такие конструкции исследованы в пяти погребальных камерах (А1, 5, 10—12) (рис. 6).

2. Камеры из горизонтальных досок, сложенных в «обло». Срубные конструкции из досок зафиксированы в трех киевских камерах (А13—15) (рис. 7). Возможно, это как раз тот случай, когда сосновые бревна заменяли досками, выпиленными из деревьев лиственных пород.

Второй способ соединения в срубах в древнерусских камерах — «в лапу» зафиксирован лишь в камерном погребении в районе Десятинной церкви (А4) (рис. 8). Эта тех-

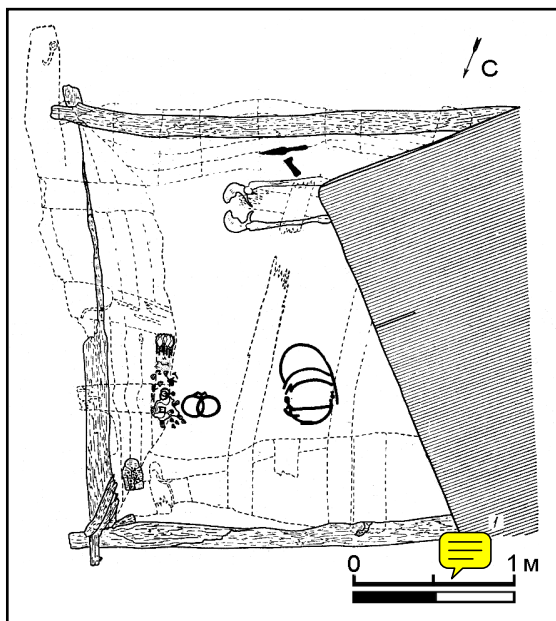

Рис. 6. Камерное погребение, сложенное из бревен «в обло» А5 (Каргер 1958: табл. XXIII:1).

Fig. 6. Chamber grave, built of logs «in oblo» A5 (Каргер 1958: tab. XXIII:1).

ника не предусматривала выступления концов за пределы срубной конструкции и применялась для возведения хозяйственных построек (Бломквист 1956: 69—70).

Каркасно-столбовые камеры. В углах конструкции ставили столбы, которые поддерживали стенки из горизонтально уложенных досок или горбылей. В киевских захоронениях зафиксированы только ямки от угловых столбов и древесный тлен, оставшийся от стен (рис. 9). Судя по всему, столбы не закапывались, а забивались заостренным концом в землю. К этому виду мы можем отнести две камеры (А7, 9) — 9%.

Перекрытия и полы киевских камер, внутренний интерьер. В пяти киевских камерах зафиксированы остатки пола из досок, горбылей или древесного тлена (А2, 5, 6, 13, 15). В семи камерах удалось проследить верхнее перекрытие, которое способствовало сохранению подземного пространства, а также воспроизводило крышу (А2, 4, 5, 6, 7, 12, 15). Скорее всего, в большинстве случаев камеру перекрывали помостом из досок или горбылей, располагавшихся поперек ямы. В камерном погребении (А3) в центре камеры зафиксирована яма от столба, который поддерживал поперечные балки перекрытия. Железные кованые гвозди, найденные в камерных погребениях (А2, 4, 9, 13), свидетельствуют о том, что ими иногда сбивали деревянные конструкции камер (Ивакин, Козюба 2003: 95—96).

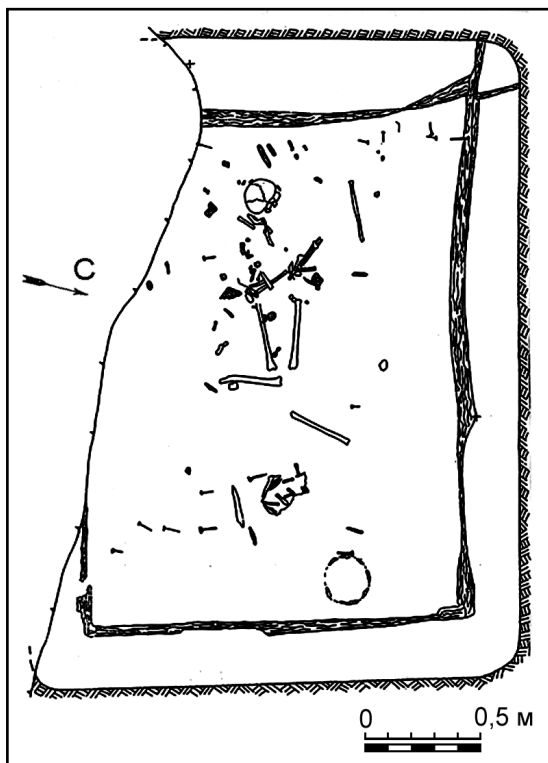

Рис. 7. Камерное погребение, сложенное из досок «в обло» А13 (Ивакин 2005: рис. 2).

Fig. 7. Chamber grave, built of planks «in oblo» A13 (Ивакин 2005: fig. 2).

В камере, раскопанной на ул. Большой Житомирской, 2, в 2002 г. (А12), покойник лежал на деревянных носилках размерами 2,15×1,3 м (рис. 10). Носилки сделаны из брусков и продольных досок толщиной 8—12 см, скрепленных между собой (Мовчан, Боровский 2003: 190—191).

В одной киевской камере захоронение находилось в дополнительной специальной конструкции — деревянном гробу (А9) (Мовчан и др. 2003: 114—115; Ивакин, Козюба 2003: 94). Подобные захоронения обнаружены на могильниках Гнездова и Шестовицы, свидетельствуют об очевидном влиянии христианской обрядности на этот погребальный обычай.

Свою типологию древнерусских камерных погребений предложил Д. Блифельд (Блифельд 1954: 151—156). Согласно ей, киевские камерные захоронения можно разделить на следующие типы:

1. Одиночные захоронения. К данной категории относится половина — 11 камерных погребений (А2, 4—6, 9, 12, 14, 15). Из них четыре — мужские (К 5, 6, 9, 12), четыре — женские (А4, 13—14), два — детские (К2, 15).

2. Захоронение дружинника с конем. На киевских могильниках исследованы три камерных погребения дружинника с конем

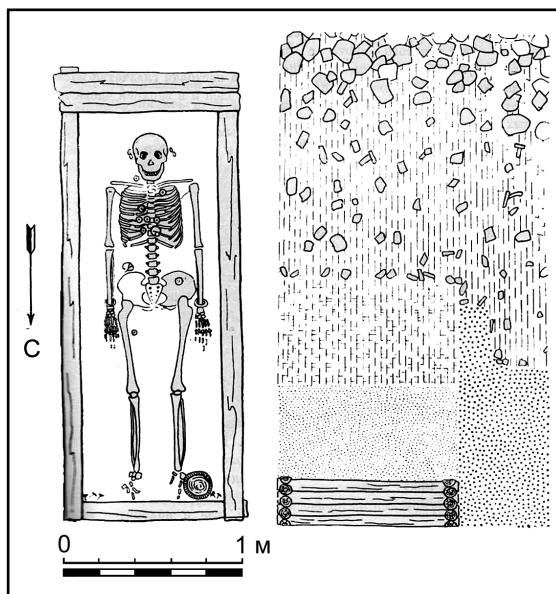

Рис. 8. Камерное погребение, сложенное из бревен «в лапу» А4 (Каргер 1958: рис. 44).

Fig. 8. Chamber grave, built of logs «in the paw» A4 (Каргер 1958: fig. 44).

(A8, 10, 16). Эти камеры существенно отличаются от обычных камерных погребений — прямоугольное пространство камеры разделено деревянной перегородкой на два отделения: в одном хоронили воина, в другом — коня. Такая конструкция зафиксирована в погребении А10 (Боровский, Калюк 1993: 9). Вполне вероятно, погребение А1 тоже было погребением воина с конем. Об этом свидетельствует наличие перегородки в конструкции погребальной постройки. Всего в древнерусских могильниках насчитывается около 20 камерных погребений с конем (Михайлов 2001: 166—167).

По поводу происхождения традиции погребения воина с конем существуют две основные версии. Российские исследователи отмечали, что подобные перегородки характерны и для датских камер (Авдусин, Пушкина 1989: 203; Жарнов 1991: 209). К. Михайлов проследил близкие аналогии на девяти могильниках в Ютландии. По его мнению, обряд положения боевого коня в могилу воина связан с погребальными традициями германцев эпохи Мерovingов и скандинавов времен распространения христианства (Михайлов 1996: 54—58). Исследователь утверждает, что дружинные отряды Руси сражались в пешем строю. Об этом неоднократно упоминают письменные источники, в частности, византийские. Пешими выходили на битву как славяне Восточной Европы, так и викинги. Русы использовали коня в основном как транспортное средство или для хозяйственных нужд

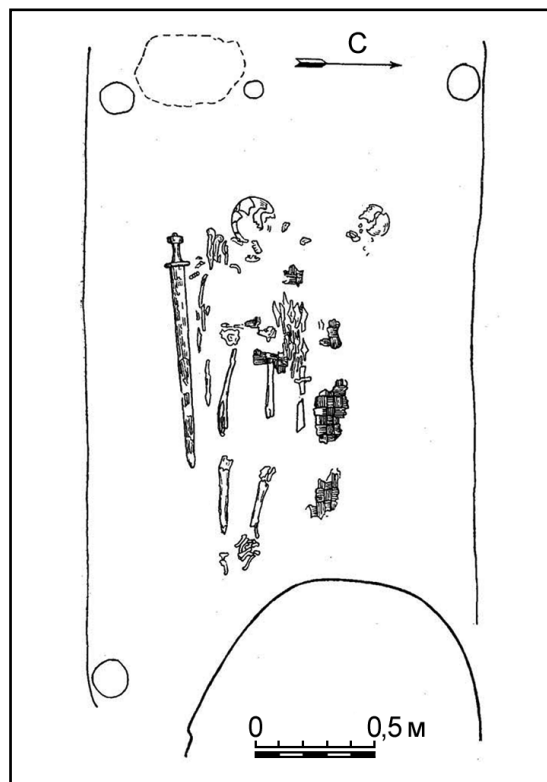

Рис. 9. Камерное погребение каркасно-столбовой конструкции А7 (Каргер 1958: рис. 34).

Fig. 9. Chamber grave of frame-and-pillar design A7 (Каргер 1958: fig. 34).

(Михайлов 1994: 96—97). Коня были только у князя и его ближайшего окружения — знатных дружинников. Этот факт еще раз подтверждает элитарность камерных погребений русов. По мнению К. Михайлова, у русов лошадь выполняет роль магического перевозчика в потусторонний мир, и этим объясняется обычай хоронить коней вместе с хозяином (Михайлов 1994: 98—100). А.-С. Греслунд отмечала распространение подобных захоронений в Дании и в Северной Германии в мерovingский период и эпоху викингов (Gräslund 1980: 36—38, 46—47). Следовательно, ряд западноевропейских и российских исследователей связывает истоки данного обычая со скандинавским погребальным обрядом.

Однако не исключено, что этот обычай имеет связь с погребальными традициями кочевых народов — соседей русов (носителей салтово-маяцкой культуры, печенегов и др.), которые предусматривали положение в могилу знатного человека коня (Плетнева 2003: 56).

Как правило, кости коня в киевских камерах размещены в камере сбоку от погребенного (иногда параллельно телу покойника) вместе со снаряжением. Конь лежит на боку или на животе с подогнутыми ногами (А10).

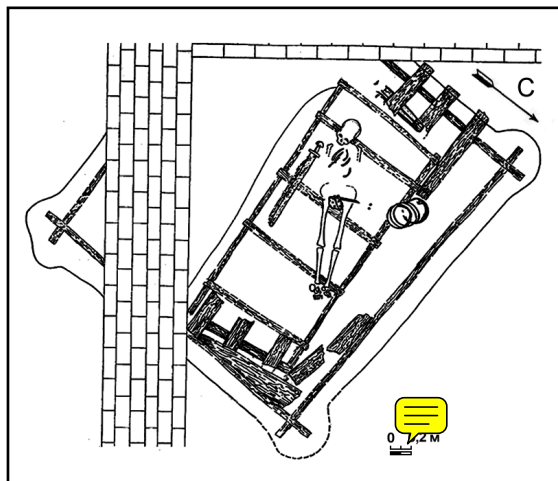

Рис. 10. Камерное погребение с носилками А12.

Fig. 10. Burial chamber with a stretcher A12.

3. Парные захоронения в камерах. Во время археологических исследований зафиксированы две камеры (А7, 11), в которых было погребены дружинник с женщиной. В захоронении А7 женщина лежит слева от мужчины (Каргер 1950: 182—184). Особый интерес представляет погребальный комплекс, открытый в 1998 г. на Софийской площади. В камерном погребении рядом со скелетом девочки (6—7 лет) был обнаружен сугубо мужской инвентарь (стрелы, стремяна, ременной набор с сумкой). Исследователи захоронения интерпретируют комплекс как сочетание женской ингумации с кенотафом или ритуальным обозначением мужского захоронения (Ивакин, Козюба 2003: 40).

4. Захоронение дружинника с женщиной и с конем (А3) было найдено в 1936 г. у восточного торца «восточного» дворца. Женщина лежала слева от мужа. Возможно, покойники были похоронены в сидячем положении. Рядом находился череп коня (Молчановский 1936: 45—47).

Традиция захоронения в камерных гробницах

Проблема распространения камерного погребального обряда на Руси до сих пор окончательно не решена, не решен и вопрос об этнической принадлежности людей, похороненных в киевских камерах. Идея погребальной камеры как дома для умершего известна на территории Восточной Европы еще со времени срубной культурно-исторической общности XVII—XII вв. до н.э. (Отрощенко 1994: 15).

Период распространения большинства древнерусских камер довольно широк —

с конца IX до первой половины XI в. Однако в случаях, когда киевские камерные захоронения имеют более точные хронологические указатели, последние указывают на вторую половину X в. Установить верхнюю границу существования традиции помогает топография некоторых камер. Так камеры А1, 4, 5 находились под Десятинной церковью либо в непосредственной близости от нее и были частично разрушены при сооружении ее фундаментов. Захоронение А9, открытое на Михайловской площади, оказалось под конструкциями вала «города Владимира». То есть эта часть могильника была уничтожена в 980—990-е годы (Михайлов 2001: 169).

В современной отечественной научной литературе камерные захоронения, как правило, связывают со скандинавским населением, так как почти все находки древнерусских погребальных камер известны на некрополях ранних городских поселений эпохи викингов (Киев, Псков, Старая Ладога, Гнездово, Тимерево, Чернигов, Шестовица). Однако некоторые скандинавские ученые воспринимают камерные погребения как чуждый элемент, традицию, привнесенную извне (Gräslund 1980: 46). Неоднократные попытки идентифицировать происхождение погребенных в камерных комплексах, анализируя предметы сопроводительного инвентаря, результатов не принесли. Поэтому именно социальная характеристика, а не определение этнической принадлежности, является доминирующей для реконструкции статуса погребенных в камерах древнерусского Киева. Роль этнического фактора здесь нивелируется интеграционными процессами между скандинавским, балтским и угро-финским элементами и массой славянского населения. Очевидно, правильным будет считать захоронения в камерах основным погребальным обрядом новой аристократической верхушки социальной военно-торговой группы — «Руси». Характерная особенность этого обряда — наличие богатого сопроводительного инвентаря — должна была подчеркивать высокий социальный статус погребенных русов. К. Михайлов сделал попытку подсчитать стоимость некоторых погребальных наборов из древнерусских камер. Инвентарь одного из самых богатых камерных погребений Шестовицкого могильника мог стоить от 309 до 515 серебряных византийских миллиарисиев. Эта сумма равна стоимости даров, которые получала княгиня Ольга от императора Константина Багрянородного во время визитов в Константинополь (Михайлов 2005: 20). Очевидно, киевские камерные погребения сопровождалась не менее богатым инвен-

тарем, пропавшим в результате ограблений погребений и в период застройки города.

В отдельную группу мы выделяем «*элитные погребения в больших могильных ямах*». К ней относятся четыре погребения (A17—20), совершенные в могильных ямах, которые по размерам соответствуют камерным, однако не содержащих деревянных срубных или каркасно-столбовых конструкций. В захоронении A17 стенки могильной ямы были обшиты деревянными досками (Мовчан 1999: 18). Древесный тлен и 17 гвоздей в женском захоронении A20 свидетельствуют о наличии деревянных конструкций в захоронении (Мовчан, Климовский 2002: 193). В погребениях A18, 19 выявлены деревянные гробы (Мовчан и др. 2002: 3—29; Ивакин, Козюба 2003: 93—95). Необходимо отметить, что все три захоронения принадлежат женщинам 40—50 лет. Богатый погребальный инвентарь первого и третьего захоронения указывает на высокий социальный статус погребенных. Очевидно, здесь мы видим вариации погребального обряда в камерах.

Элитные погребения с неопределенной конструкцией. В нескольких камерных погребениях зафиксировать деревянные конструкции не удалось. Таких комплексов на киевских могильниках обнаружено семь (A21—29). Большая часть этих памятников открыта дореволюционными исследователями: A21 (И. Хойновский, 1892 г.), K24 (1878 г.), A25 (В. Гезе, 1900 г.), A26 (Н. Беляшевский и А. Скриленко в 1899 г.), A28 (В. Антонович, 1872 г.). Видимо, эту категорию объектов необходимо связывать не столько с конструктивными особенностями киевских камер, сколько с сохранностью дерева в местных почвах и проблемами, связанными с фиксацией фрагментов камерных сооружений на методическом уровне конца XIX — начала XX в.

Во время исследований С. Гамченко на усадьбе Трубецких в 1926 г. было обнаружено захоронение коня (A23). Череп коня был обернут лубом. В захоронении обнаружен инвентарь, присущий дружинному захоронению: остатки седла, стремяна, подкова, фрагменты деревянного колчана и лука со стрелами, бронзовые украшения от уздечки. Остатков скелета воина не обнаружено. Возможно, мы имеем дело с кенотафом — меморативным памятником умершему далеко от родных мест дружиннику, которому родственники соорудили символическую могилу.

Вышеупомянутые погребальные комплексы (29 единиц, 19% от общего числа ингумаций) по всем признакам принадлежали богатой верхушке древнерусского города.

Захоронение в деревянных гробах и могильных ямах

К этому типу принадлежат 126 погребальных комплексов (81% от общего числа ингумаций).

Захоронения, совершенные в *деревянных гробах*, зафиксированы во всех выделенных нами курганных группах Киева. Таких захоронений насчитывается 70 (45% от общего числа ингумаций). Как правило, гробы в киевских могильниках сохраняются очень плохо, они фиксируются по остаткам древесного тлена и гвоздям, которыми скрепляли доски. Само украинское название гроба — «домовина» — наталкивает на мысль о том, что в этих погребальных сооружениях воплощена идея о доме для умершего. Можно выделить следующие типы деревянных гробов:

Tun A. Как правило, гроб имел вид деревянного прямоугольного ящика, сбитого железными коваными гвоздями (рис. 11). Иногда, путем установления перегородки в ножной части сооружения, создавалось небольшое отделение (для сопроводительных предметов?) (рис. 12).

Tun B. В некоторых случаях детали гробов крепились без гвоздей. Опираясь на типологию древнекиевских гробов XI—XIII вв., разработанную М. Сагайдаком, мы попытаемся гипотетически представить конструктивные особенности гробов X в. (рис. 13). Боковые доски ставили на торец в специально выбранные углубления для нижней и боковых досок и плотно прижимали друг к другу. Боковины держались за счет того, что они торцевыми досками прижимались к земляным стенкам могильной ямы. Скорее всего, гробы этого типа собирали непосредственно перед похоронами (Сагайдак 1991: 97—99).

Захоронения, совершенные в *могильных ямах* (без гроба). Среди погребальных памятников в 56 комплексах (36% от общего числа ингумаций) следы наличия гробов не зафиксированы (рис. 14). Эти захоронения могли принадлежать самым низким социальным слоям, которые не имели возможности похоронить родственников в гробу. Возможно, по определенным причинам (военные действия, эпидемия) на изготовления гроба просто не было времени. По аналогии с погребальным обрядом XI—XIII вв. можно предположить, что покойников хоронили в могильной яме в саване или накрывали тканью (Ивакин 2008: 131). Однако не следует забывать, что дерево, из которого изготавливались гробы, быстро разрушается в киевских почвах и, соответственно, не всегда зафиксировано во время

№5. 2011

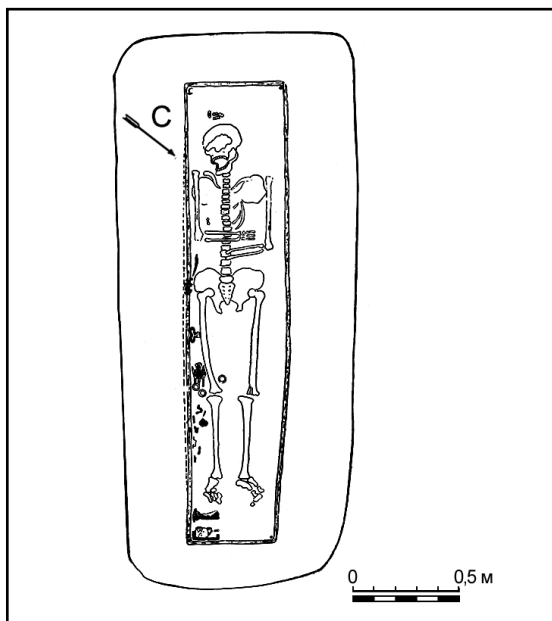

Рис. 11. Погребение в гробовище B51 (Каргер 1958: рис. 18).

Fig. 11. Burial in coffin B51 (Karper 1958: fig. 18).

раскопок. Могильные ямы в плане, как правило, прямоугольной формы с закругленными углами.

Некоторые могильные ямы выкапывали согласно росту покойника (B59). Погребение ребенка (B56), обнаруженное осенью 2008 г. на ул. Десятинной, 3/5, совершено в овальной яме (0,5×0,8 м) (рис. 15).

Обряд захоронений в деревянных гробах и могильных ямах имеет четко выраженные черты, характерные для древнерусских могильников христианского периода.

Ориентация ингумационных захоронений дружинного некрополя. Положение тела и рук

Ориентация зафиксирована в 111 (72%) погребальных комплексах (рис. 16). Большинство погребений ориентировано головой на запад с сезонными отклонениями — 83% (запад — 48, юго-запад — 35, северо-запад — 10). У 17% погребений зафиксирована ориентация на северо-восток — 3, юг — 5, север — 3, восток — 4, юго-восток — 3. Схоже выглядят показатели для киевских могильников XI—XIII вв. — на запад с сезонными отклонениями 93% (Ивакин 2008: 113). По мнению А.-С. Греслунд, обряд трупоположения с ориентацией покойников головой на запад начал распространяться в Швеции в начале X в. в связи с христианизацией населения (Gräslund 1980: 26). Как мы видим, по этому

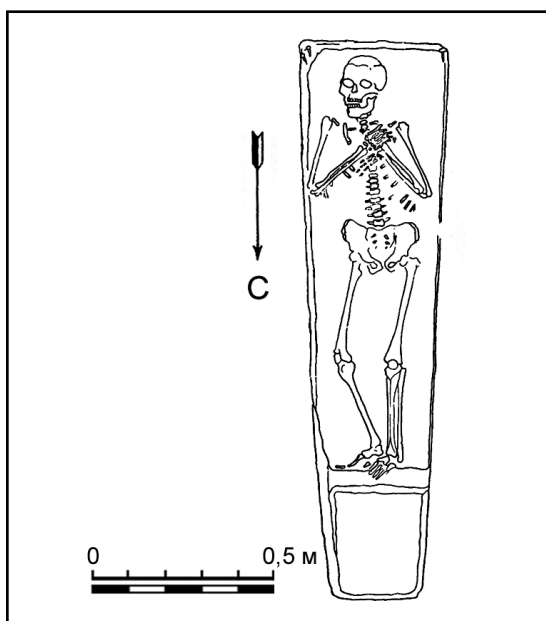

Рис. 12. Погребение в гробовище B52 (Каргер 1958: рис. 19).

Fig. 12. Burial in coffin B52 (Karper 1958: fig. 19).

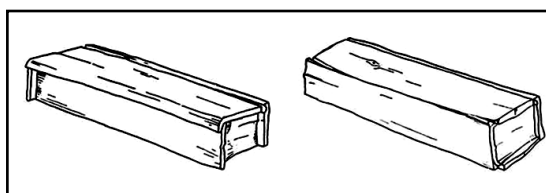

Рис. 13. Гробы, которые собирали без применения гвоздей.

Fig. 13. The coffins, which were collected without the use of nails.

признаку погребальный обряд киевлян X в. выглядит тождественным более поздним христианским памятникам.

Тела покойников лежат в вытянутом положении на спине. Положение рук удалось четко зафиксировать в 41 случае (28%). В 14 случаях руки лежали вдоль тела. В 17 случаях руки скрещены на груди, животе или в районе таза, один раз кисти зафиксированы на плечах, один раз — правая рука лежала на груди, левая была вытянута вдоль тела. В семи захоронениях правая рука лежит на груди, а левая в районе живота. В одном случае левая рука лежит на груди, а правая на животе. Пока не найдено объяснения разному положению рук в древнерусских погребениях. Возможно, иногда положение рук меняется под давлением грунта. Не исключено, что расположение рук с первоначального положения (на груди или на животе) изменяется во время разложения тканей тела. Т. Панова, проанализировав миниатюры XVI в., изображающие обряд похорон, заметила разнообразие положения

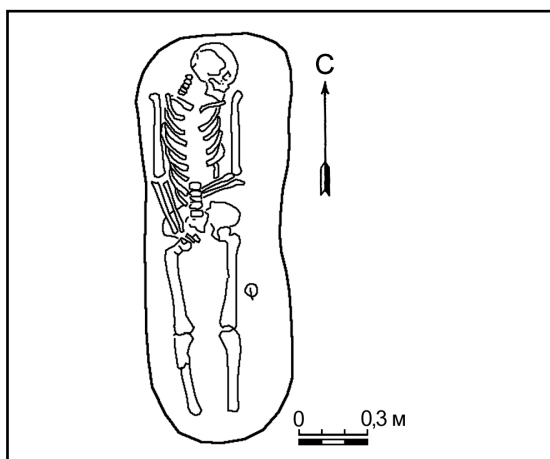

Рис. 14. Погребение в могильной яме В81 (Козак, Гончар 2003: 127).

Fig. 14. Burial in the burial pit B81 (Козак, Гончар 2003: 127).

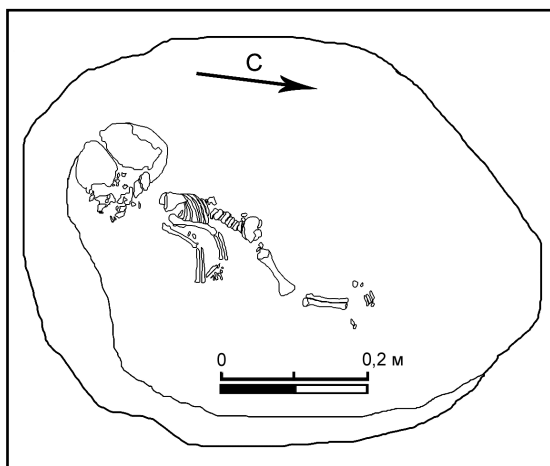

Рис. 15. Детское погребение в овальной могильной яме В 56.

Fig. 15. Child's burial in an oval burial pit B56.

рук погребенных. Исследовательница пришла к выводу, что в указанный период не существовало единого канона изображения рук умершего, поэтому таких правил не было и при совершении погребений (Панова 1987: 118—119). Скорее всего, единой традиции расположения рук покойника не существовало и в X в.

Сопроводительные предметы в захоронениях X в.

В погребениях данного периода, прежде всего в элитных погребениях, найден разнообразный инвентарь. Предметы, обнаруженные в киевских захоронениях, можно разделить на следующие категории: оружие и боевое снаряжение всадника и коня; бытовые предметы; туалетные аксессуары; элементы костюма; украшения; игровые наборы; аму-

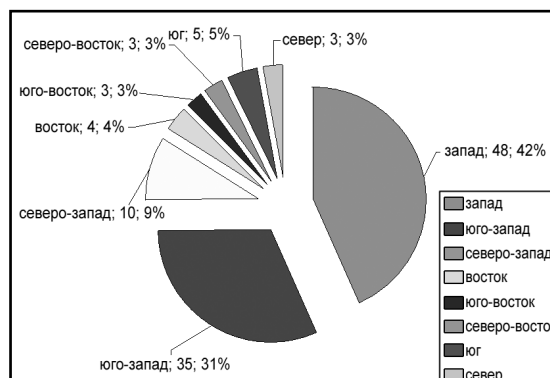

Рис. 16. Ориентация киевских погребений.

Fig. 16. Orientation of the Kiev burials.

леты; предметы личного христианского благочестия; нумизматический материал; остатки поминальной трапезы и помертвой пищи.

Оружие и боевое снаряжение всадника и коня найдены в 23 захоронениях. Подавляющее большинство этой категории инвентаря обнаружено в камерных погребениях и их разновидностях. Этот факт подтверждает принадлежность захороненных в киевских камерах к военной аристократической верхушке города. Семь захоронений с оружием осуществлены в деревянных гробах и могильных ямах.

Лук со стрелами был основным видом оружия дальнего боя. Наиболее многочисленной категорией мужского инвентаря являются наборы железных боевых стрел, найденные в 10 захоронениях (A5—7, 12, 15, 16; B1, 51, 66, 74) (рис. 17). Иногда рядом зафиксированы детали колчанов, в которых находились стрелы (A5—7, 12, 26; B51). Чаще всего лучные наборы положены возле головы погребенного.

Наиболее употребляемое оружие средних веков — копье представляет другую группу: в семи киевских дружинных погребениях найдены наконечники копий (A5, 6, 8, 16; B1, 10, 66) (рис. 18). О распространенности этого оружия определенно свидетельствуют древнерусские миниатюры, а также многочисленные находки копий в захоронениях дружинных могильников Шестовицы, Чернигова, Гнездова и др.

Боевые топоры найдены в шести захоронениях (A5, 9, 16, 25; B51, 108) (рис. 19). Четыре топора относятся к типу III по А. Кирпичникову (Кирпичников 1966: 35). В камерном погребении A2 найден миниатюрный железный топорик, имевший ритуальный, а не боевой характер. Чаще всего топоры расположены в могиле справа от погребенного.

В семи камерных погребениях обнаружены мечи (A6, 7, 12, 16, 25, 27; B1). В трех

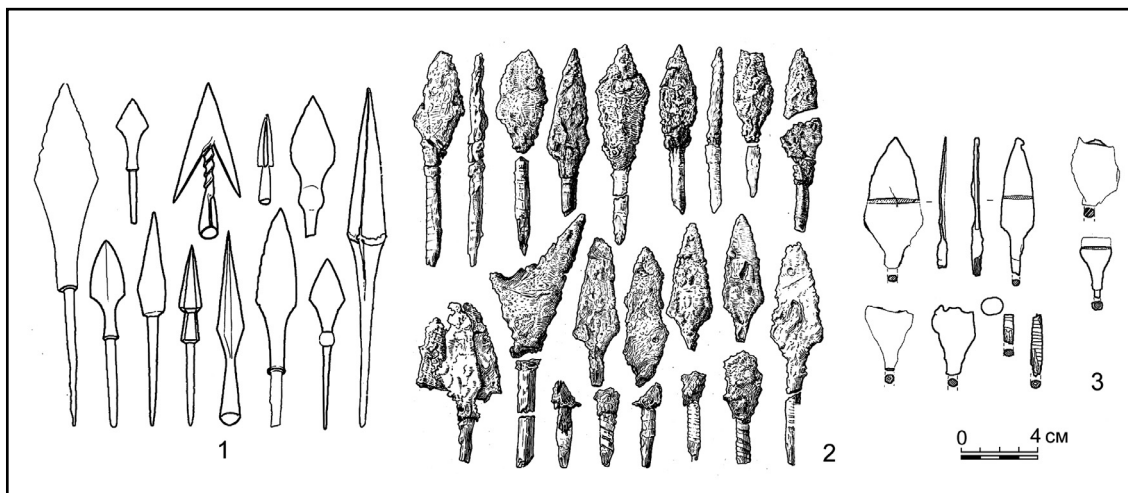

Рис. 17. Наконечники стрел из: 1 — А6 (Хойновский 1893: табл. XXI); 2 — А5 (Наргер 1958: рис. 32); 3 — А15 (Ивакин 2005: рис. 12: 7).

Fig. 17. Arrowheads from: 1 — А6 (Хойновский 1893: tab. XXI) 2 — А5 (Наргер 1958: fig. 32), 3 — А15 (Ивакин 2005: fig. 12: 7).

случаях мечи лежали с правой стороны от погребенного, в других погребениях их положение не зафиксировано (рис. 20). Для древнерусских дружинных захоронений характерен каролингский тип мечей, который происходит из оружейных мастерских Среднего Рейна (Кирпичников 1966: 18—49). Позже на Руси появились местные мастера, изготавливавшие оружие на высоком профессиональном уровне, не уступавшем европейским технологиям (Печенюк 2003: 136—137). Мечи, найденные в захоронениях Киева, не являются исключением. Изготовление меча требовало значительных технологических навыков, это оружие было очень дорогим. Как следствие, мечи попадали в захоронения представителей верхушки военной элиты. Поэтому находки мечей в основном встречаются в камерных погребениях Киева. Наконечники от ножен зафиксированы только однажды (А12) (рис. 20). Деревянные ножны редко сохраняются из-за плохой сохранности этого материала.

Скрамасакс — боевой нож с массивной спинкой, заточенный с одной стороны (35—55 см), архаичное оружие, которое сохранилось в Среднем Приднепровье со времени великого переселения народов (Кирпичников 1966: 72). Фрагменты скрамасаксов найдены в трех погребениях (А24, 25, В74).

Остатки защитного снаряжения древнерусского воина — щита, найдены в двух киевских захоронениях. Остатки металлической оковки щита обнаружены в камере у «восточного» дворца в 1936 г. (А3), железный умбон и оковка от деревянного щита обнаружены в парном камерном погребении, на ул. Большой Житомирской, 2, в 1988 г. (А11). Деревянная

основа щита сохранилась плохо, ее не удалось зафиксировать.

В камерных погребениях выявлены фрагменты воинского доспеха: кольчуги (А16) и шлема (А11, 16).

В девяти случаях выявлены детали снаряжения всадника и коня (удила, стремяна, подковы, седла, пряжки от подпруги, металлические украшения от конской сбруи, псалии, шпоры) (А5, 8, 10, 15, 16, 23, 24, 26; В66). Как правило, элементы снаряжения всадника и коня выявлены в богатых камерных погребениях (десять комплексов) (рис. 21). Исключением является захоронение, открытое Т. Кибальчицем в 1879 г. (В66), с костяной подвеской для уздечки. Вполне вероятно, что объект представлял собой остатки камерного погребения, однако уровень его исследования позволяет нам делать только предположения.

Бытовые предметы и орудия труда найдены в 31 киевском захоронении. Наиболее распространенной категорией является железный нож с прямой ручкой (рис. 22). Ножи обнаружены в 24 захоронениях (А2, 9—14, 19; В1, 3, 39, 51, 55, 57, 62, 72, 73, 75, 79, 91, 97, 99, 113, 119). В трех рядовых захоронениях сохранились остатки футляров от ножей (В51, 113, 119). В захоронении В62 рядом с ножом лежала металлическая пряжка от ремня, которым он крепился к поясу. В большинстве случаев нож находился у пояса мужчины и на груди у женщины, т. е. там, где их носили при жизни. Попадая в погребение, бытовые предметы получали новую — магическую функцию. Так, по этнографическим данным, нож был способен уничтожить злого духа (Моця 1990: 36—37).

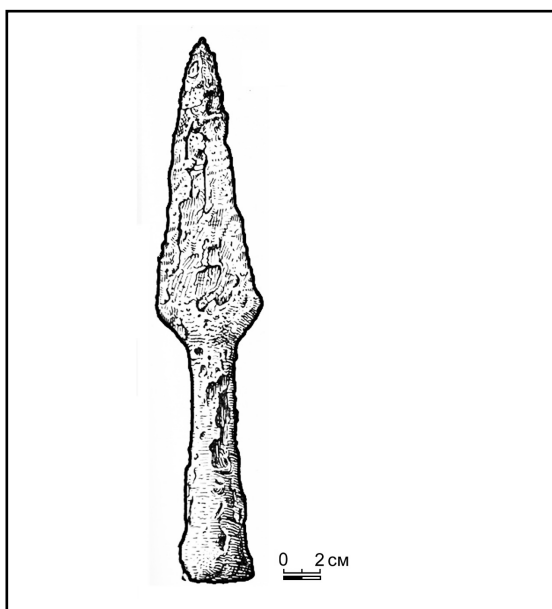

Рис. 18. Наконечник копья из А5 (Каргер 1958: рис. 29).

Fig. 18. Spearhead of the A5 (Каргер 1958: fig. 29).

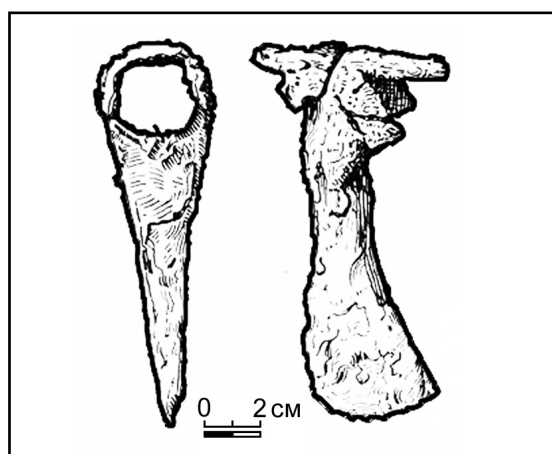

Рис. 19. Боевой топор из А5 (Каргер 1958: рис. 29).

Fig. 19. Battle axe of A5 (Каргер 1958: fig. 29).

Довольно часто встречаются железные *огнива* различных форм (А26; В1, 39, 51, 72), а также *кремни* к ним (В1, 39, 51, 55, 72). Очевидно, эти предметы находились в кожаном кисете. Остатки кисета найдены в погребении В72. Он мог находиться у пояса как слева (В39), так и справа (В51).

Точильные бруски (иногда с отверстиями для подвешивания) обнаружены в пяти исследованных комплексах (А2, 11, 12, 29; В55) (рис. 23). Они расположены в основном у пояса погребенного, хотя существуют и исключения.

Символы дома и защищенности — ключи (А3, 13) и замки (В112) найдены в трех погребениях (рис. 24). Находки ключей-аму-

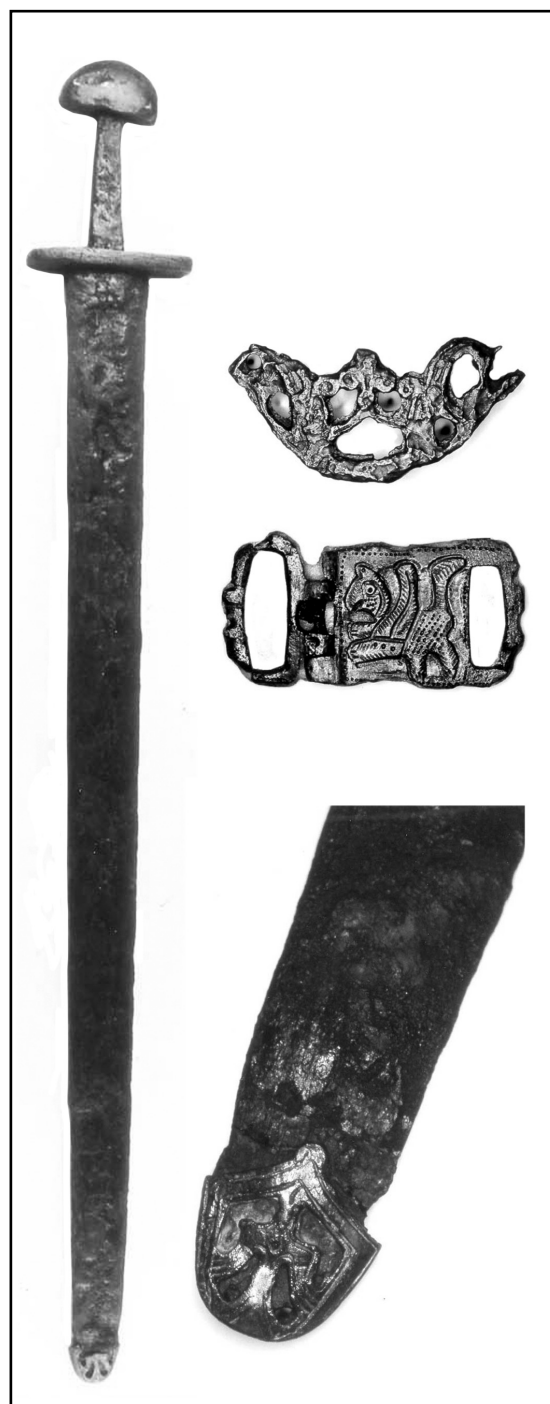

Рис. 20. Меч и детали портупеи из А12 (Мовчан 2002: рис. 114—116).

Fig. 20. Sword and sword belts parts of A12 (Мовчан 2002: fig. 114—116).

летов тяготеют к погребальным комплексам Приладожья, Северной Двины и северо-восточного побережья Онежского озера (Рябинин 1988: 60).

В камерном погребении (А2), обнаруженном к северо-востоку от руин Десятинной церкви, в состав погребального инвентаря входила *ложечка-подвеска* — символ состоятельности и благополучия (рис. 25). Ареал

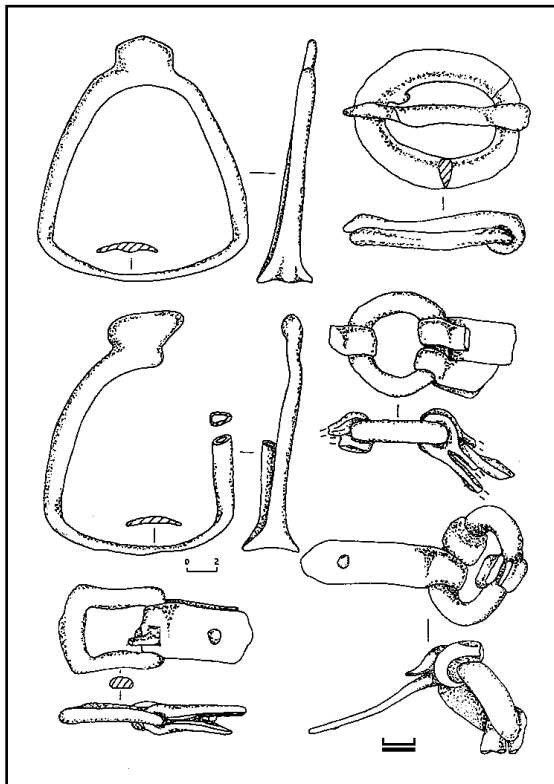

Рис. 21. Стремена и детали сбруи из А15 (Ивакин 2005: рис. 12).

Fig. 21. Stirrups and the details of a harness from A15 (Ивакин 2005: fig. 12).

распространения амулетов-ложек совпадает с регионами, заселенными угро-финским населением (верховья Днепра, Западная Двина и Волга) (Рябинин 1988: 55—57). Таким образом, находки подобных вещей мы можем связывать с влиянием финно-угорских элементов.

Весовые принадлежности. Особенностью денежного обращения Киевской Руси было отсутствие собственной монеты. Только в конце X — начале XI в. была сделана недолгая попытка чеканить собственные деньги. На территории Руси были в обращении куфические дирхемы, а позднее — западноевропейские денарии. Весовое разнообразие монет вызывало необходимость их различать. В 1882 г. в усадьбе Т. Кибальчича (ул. Большая Дорогожицкая, 40) раскопано рядовое захоронение, в котором обнаружены части от весов (две медные чашки и сложное коромысло) и девять железных гирек, покрытые бронзой (В127). Остатки весов найдены и в камерном погребении в районе Десятинной церкви (А2).

Металлические детали (фрагменты оковки, пластины, дерево с фольгой) от небольших **деревянных сундуков** обнаружены в пяти захоронениях (А13, 14, 19, В51, 52). Указан-

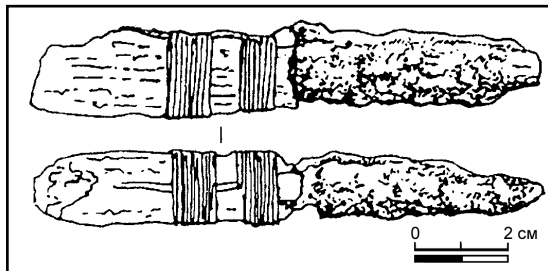

Рис. 22. Нож из А14 (Ивакин 2005: рис. 8).

Fig. 22. A knife from A14 (Ивакин 2005: fig. 8).

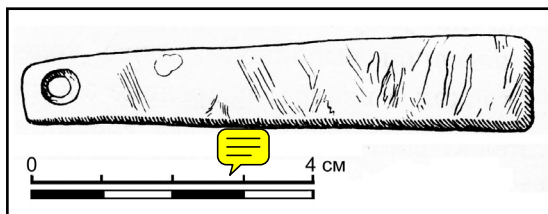

Рис. 23. Точильный брусок из А23 (Каргер 1958: рис. 35).

Fig. 23. Whetstone of A23 (Каргер 1958: fig. 35).

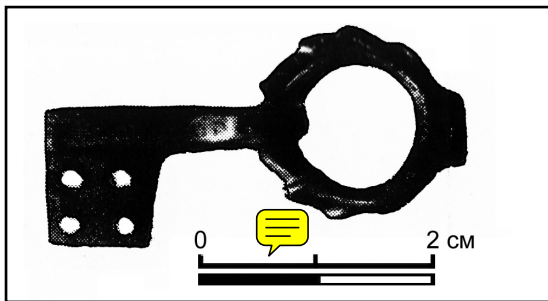

Рис. 24. Ключик из А3 (Каргер 1958: табл. XX:2г).

Fig. 24. Key from A 3 (Каргер 1958: tab. XX:2г).

ные фрагменты находились в ногах усопших (рис. 26).

Во время исследований Д. Милеева в 1911 г. обнаружены два погребения (В38, 39), в которых выявлены **костяные остроконечники** с набалдашником в виде головы зверя (рис. 27). Аналогичный предмет, украшенный сложным резным скандинавским орнаментом, найден в насыпи над погребением в районе Десятинной церкви (Ивакин, Иоаннисян 2008: 191—214). Зооморфные остроконечники характерны для европейских древностей VIII—XI вв. Подобные орудия изготавливали из рогов или когтей диких животных. С одного конца их заостряли, с другой — украшали вырезанной головой животного с оскаленной пастью — волка, медведя, пантеры, рыбы, змеи. Данные предметы известны с сарматского времени (Щавелева 2003: 185). Большинство подобных находок связано с могильниками военных поселений, очевидно, такие орудия входили в набор сна-

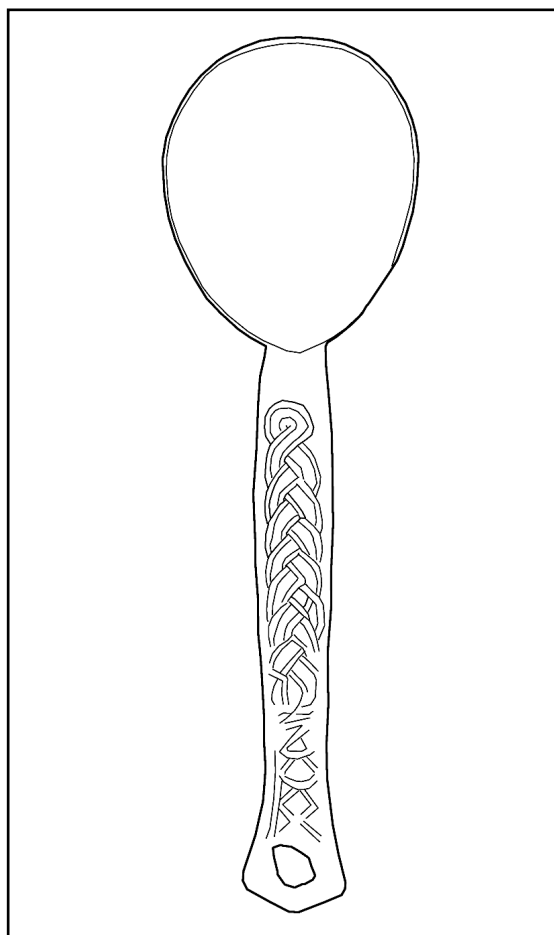

Рис. 25. Ложечка-подвеска из А2 (Каргер 1958: табл. XVII).

Fig. 25. Spoon from A2 (Каргер1958: tab. XVII).

ряжения воина вместе с ножом, огнивом и др. Обычное функциональное назначение инструмента для развязывания узлов (кочедык) в ходе погребального обряда получало новый смысл амулета-оберега. С. Щавелева считает, что изображение змеиных голов на изделии имеет сакральный подтекст символа воина-змееборца (Щавелева 2003: 190—191). В XI в. зооморфные остроконечники исчезают вместе с угасанием дружинных традиций.

Туалетные аксессуары. В семи курганных погребениях найдены костяные гребни (А2, 11, 13, 17; В38, 75, 120), в трех экземплярах сохранились фрагменты костяного футляра (А11, 13, В120) (рис. 28). Восточнославянские погребальные традиции новейшего времени, зафиксированные этнографией, отмечают, что гребень, которым расчесывали покойника, необходимо положить вместе с ним в гроб (Зеленин 1991: 346).

Ножи, наборы для разведения огня, гребни и другие предметы или подвешивались на пояс, или находились в кожаных или тканых сумках-ташках. Остатки последних

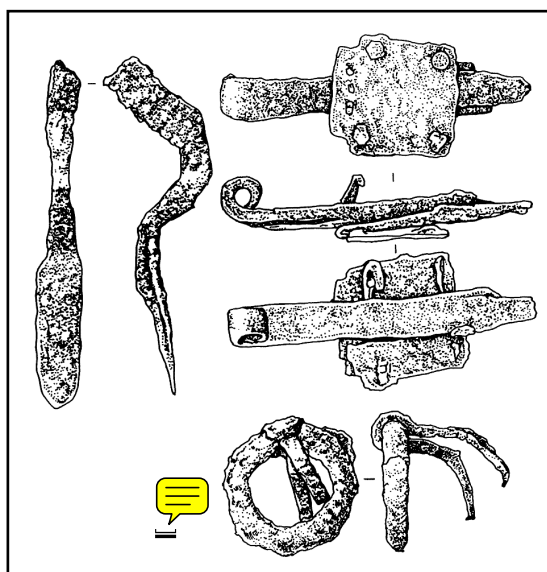

Рис. 26. Металлические детали ларца из А14 (Ивакин 2005: рис. 6: 3, 5, 6).

Fig. 26. Metal parts of the chest A14 (Ивакин 2005: fig. 6: 3, 5, 6).

в виде фрагментов кожи и металлических колец зафиксированы в четырех погребальных комплексах (А12, 14, В39, 110). Эти сумки носили, как правило, на правом боку у пояса или на уровне бедер. В камерном погребении дружинника А12 нашли кошелек-ташку, украшенный бронзовыми бляшками, в котором находились четыре византийские медные монеты (рис. 29) (Мовчан, Боровский 2003: 190—191).

В камерном погребении А14 исследовали остатки деревянного сундука, в котором в составе прочих вещей хранились металлические *ножницы* и *пинцет* (рис. 30) (Ивакин, Козюба 2003: 98). Еще одни ножницы обнаружены в погребении В11 (Каргер 1958: 206). В парном захоронении А11 найдены остатки железного *серпа* и железная оковка от *лопаты* (Боровский, Калюк 1993: 6—7).

Элементы костюма. Наиболее часто встречаются разнообразные металлические пуговицы: грибовидные, шаровидные, биконические, пуговицы-бубенчики и т.д. (А2, 7, 11, 18, 19, 26; В1, 13, 20, 43, 45, 79, 80, 83, 91, 110, 122, 123; Кр 7).

В богатых захоронениях мы встречаем большие декоративные застёжки для одежды — *фибулы* (А2, 3, 14, 25, 27, 28, 29; В11, 81, 94) (рис. 31).

Детали поясных наборов (пряжки, ременные бляшки, остатки кожи и т.д.) выявлены в комплексах А1, 4, 9, 11, 12, 14, 16, 20, 25; В10, 39, 55, 62 (рис. 32). Многочисленные находки фрагментов поясов в киевских захоронениях не случайны: еще в начале XX в. пояс,

№5. 2011

Рис. 27. Костяной остроконечник с набалдашником в виде головы зверя из В38 (Каргер 1958: табл. VI:3).

Fig. 27. Bone tip with knob shaped like the head of the beast in B38 (Каргер 1958: tab. VI.3).

по представлениям восточных славян, должен защищать человека от нечистой силы, снимали его очень редко, только в крайних случаях (Зеленин 1991: 250—251).

Фрагменты златотканой парчи обнаружены у черепа погребенных женщин в захоронениях А4, 14; В20, 75. Появление тканной золотом или серебром одежды в киевских погребениях К. Михайлов связывает с византийским влиянием на элитарную субкультуру русских князей (Михайлов 2010: 262—277).

Украшения встречаются преимущественно в женских захоронениях (45 комплексов). Наиболее распространенными являются бусины (элементы ожерелья) — А3, 4, 11, 12, 14, 15, 17, 18, 19, 26, 27, 29; В5, 11, 12, 16, 17, 40—44, 47, 48, 54, 80, 82, 83, 87, 91, 94, 102, 105, 126. Они встречены в 34 погребениях, причем часто представляют сложные наборы, состоящие из разного вида бусин, дирхемов и ракушек. Например, в рядовом погребении В44 ожерелье состояло из 24 бусин (14 стеклянных шарообразных, 9 пастовых, 1 сердоликовая), раковины каури и двух саманидских дирхемов. К монетам были припаяны ушки для подвешивания. Среди бусин чаще встречаются сердоликовые, пастовые, стеклянные, хрустальные и серебряные. Иногда в состав ожерелья входили золотые и серебряные кольца, лунницы и разнообразные подвески (рис. 33). Во всех известных случаях ожерелья сопровождали женские захоронения. Лишь в погребальной камере А12 на груди дружинника найдены две полые серебряные бусинки.

В четырех захоронениях (А10; 18; В48, 102) найдены лунницы, которые, как правило, входили в состав женских ожерелий, так же, как и разнообразные металлические подвески, найденные в захоронениях А4, 13, 14, 19; В126.

Украшения для головы представлены в киевских могильниках височными кольцами и серьгами. Височные кольца обнаружены в комплексах А3, 4, 15, 17, 18, 27; В40, 44, 48,

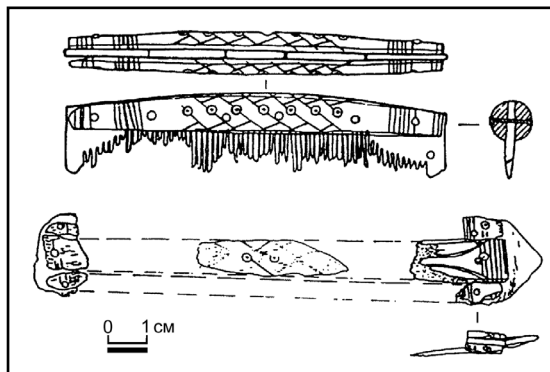

Рис. 28. Костяной гребень с футляром из А13 (Ивакин 2005: рис. 3: 6, 7).

Fig. 28. Bone comb with a case from A13 (Ивакин 2005: fig. 3: 6, 7).

49, 87, 93, 94, 102, 123). Как правило, кольца золотые или серебряные, однако иногда попадают из меди и бронзы. Количество височных колец, найденных в одном погребальном комплексе, колеблется от одного до восьми. В захоронении В44 с каждой стороны черепа лежало по четыре височных кольца. Серьги найдены в погребальных комплексах А27, 29; В17, 28, 40, 47, 78, 82, 102, 124.

Браслеты найдены только в камерном погребении А4. Металлические кольца и перстни фиксируются на фалангах пальцев в погребениях А4; В94, 104.

Другие категории украшений встречаются редко. В камерном погребении, обнаруженном И. Хойновским на усадьбе Я. Кривцова, на шее дружинника находилась серебряная витая гривна (А21) (рис. 34). В заполнении другого камерного погребения, обнаруженного летом 1936 г. в районе Десятинной церкви, найдены две жемчужины (А3).

Астрагалы обнаружены в пяти захоронениях (А2, 5, 9, 25, В62). В двух камерных погребениях астрагалы находились в деревянных ведрах (А2, 5—157 и 16 единиц соответственно), в остальных захоронениях обнаружено по одному — два астрагала. В Кр2 некоторые из астрагалов залиты свинцом. В камерном погребении (А25) рядом с астрагалом нашли стеклянные игральные шашки. Шахматы и шашки попали на Русь с арабского Востока не позднее IX—X вв. Некоторые свидетельства об этих играх известны из былин о Ставре Годиновиче, Михаиле Потыке, Садко и Илье Муромце. По аналогиям с подобными находками в других курганных могильниках можно говорить об элитарном характере таких развлечений (Рыбин 1991: 90).

Амулеты известны в материалах восьми курганных захоронений дружинного периода. Зачастую эти предметы представляют со-

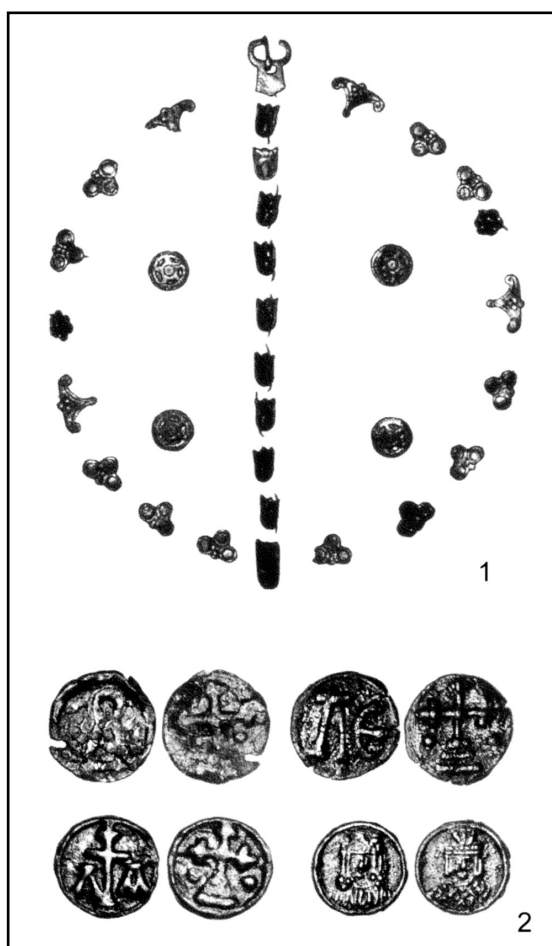

Рис. 29. 1. Бронзовые бляшки от кошелька (Мовчан 2002: рис. 120—121). 2. Византийские монеты из кошелька (Мовчан 2002: рис. 123). (A12).

Fig. 29. 1. The bronze plaque of the wallet (Мовчан 2002: fig. 120—121). 2. Byzantine coins from it (Мовчан 2002: fig. 123). (A12).

бой клыки и когти диких животных — были найдены еще И. Хойновским в 1892 г. По словам исследователя, в рядовых погребениях (B67—71) обнаружены клыки кабанов, медведей и барса. В 2006 г. в районе Десятинной церкви выявлено детское погребение в деревянном гробу, в котором находилась подвеска — клык собаки (B53). Зубы и когти диких зверей служили оберегом от злых духов. Этнографами зафиксирована традиция, распространенная в российских селах: вешать над колыбелью ребенка волчий зуб, который должен защищать младенца от нечистой силы (Зеленин 1991: 322).

Предметы христианского культа. Эта категория включает крестообразные подвески из серебра и бронзы, обнаруженные в восьми киевских дружинных захоронениях: четырех камерных (A2, 14, 16, 29) и четырех рядовых (B16, 40, 79, 82) (рис. 35). К ним же А. Мусин относит серебряную с позолотой имитацию золотого солида Василия I и Константина

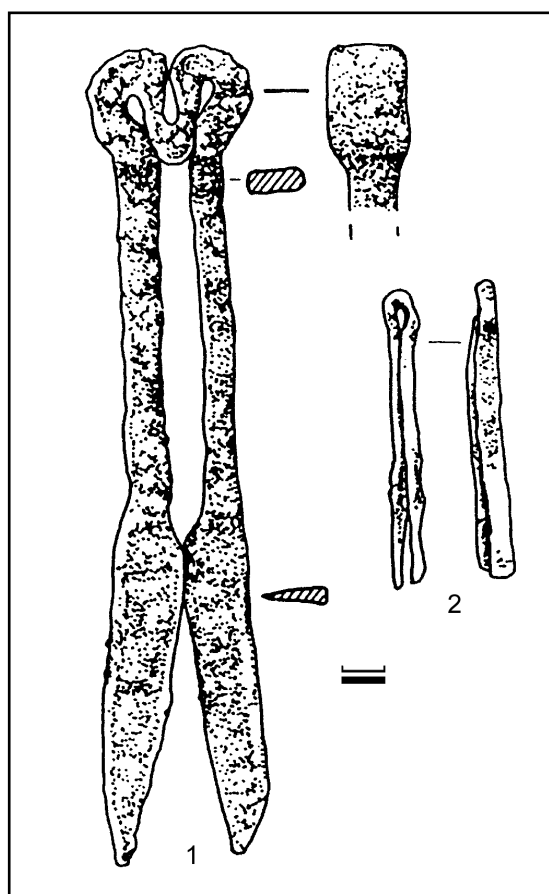

Рис. 30. 1. Ножницы. 2. Пинцет (A14) (Ивакин 2005: рис. 6: 1, 2).

Fig. 30. 1. Scissors. 2. Tweezers (A14) (Ивакин 2005: fig. 6: 1, 2).

(869—879 гг.) с ушком для подвески, которую считает иконкой (B11) (Мусин 2002: 147).

Как правило, крестообразные подвески входили в состав женского ожерелья (A14, 29; B16, 40, 82). Так, в погребении B16 находилось ожерелье, в состав которого, помимо стеклянных бусин и дирхемов, входили и три небольших серебряных крестика (Каргер 1958: 142—143, табл. XXVIII—XXIX). Крестики из погребений A2, B82 принадлежали детям шести-восьми лет, одна крестообразная подвеска найдена среди инвентаря захоронения воина с конем (A16).

В нескольких погребениях обнаружены крестообразные накладки и нашивки, украшавшие вещи, которые сопровождали покойного. В камерном погребении A2 на груди погребенного ребенка зафиксирована крестообразная накладка. У левого локтя женского камерного погребения A14 покоились остатки сумки, украшенной серебряным крестом-накладкой. Дискуссия по поводу интерпретации данных находок началась со времени первых открытий погребальных древностей и продолжается сегодня. Часть

№5. 2011

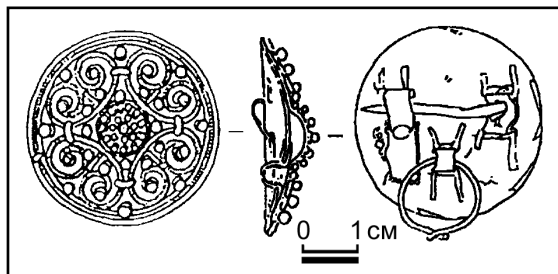

Рис. 31. Серебряная фибула «Терслев» из А14 (Ивакин, Козюба 2003: рис. 6: 5).

Fig. 31. Silver brooch «Therslev» from A14 (Ивакин, Козюба 2003: fig. 6: 5).

исследователей трактует их как украшения. По мнению М. Каргера, крестообразные подвески: «не имеют никакого отношения к христианским крестам и являются украшением, распространенным в славянских языческих погребениях» (Каргер 1958: 212). Эта версия опирается, в основном, на тот факт, что большинство подобных вещей обнаружено в захоронениях, принадлежавших состоятельным женщинам.

И все же большинство современных исследователей видит в них знаки христианского благочестия, указывая на их распространение в Северо-Западной Европе именно в период активной христианизации. Н. Недошивина предполагала, что такие символы изготавливали местные христианские общины специально для погребения (Недошивина 1983: 224). Й. Стеккер категорически отвергает мнение о том, что крестики в эпоху христианизации могли использоваться исключительно как украшения, лишенные религиозного содержания (Staecker 1999: 396—402). К аналогичным выводам приходит А. Макаров, подводя итоги многолетних исследований поселков и могильников Северной Руси (Макаров 2008: 37). А. Мусин находит аналогии древнерусским крестоподобным подвескам в захоронениях франкской и алеманнской знати времен Меровингов (VI—VII вв.) и лангобардов периода христианизации. После утверждения церковных институтов подобные кресты исчезают. Исследователь считает, что таким образом «религиозное сознание христианизируемой знати именно перед лицом смерти особым образом демонстрировало свою христианскую принадлежность» (Мусин 2001: 143).

Нумизматический материал. Монеты найдены в 13 захоронениях (А1—4, 12, 25, 27, 29; В11, 16, 44, 95, 125). Как правило, все монеты, обнаруженные в погребениях, разделяют на две большие группы: 1) украшения, 2) «оболы мертвых». К последним относятся

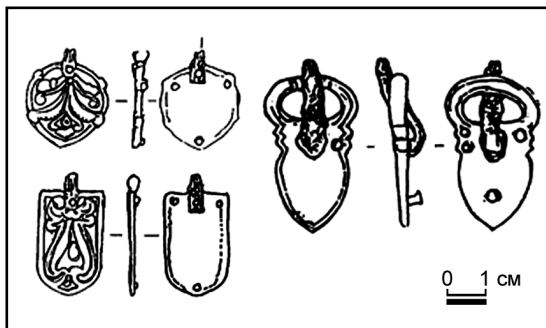

Рис. 32. Детали поясного набора А14 (Ивакин 2005: рис. 6: 4; 7: 2).

Fig. 32. Details from belt from A14 (Ивакин 2005: fig. 6: 4; 7: 2).

и монеты, которые атрибутируют занятие торговлей умершего (Потин 1971: 49).

В основном это арабские серебряные дирхемы (А1—4, 25, 29; В16, 44, 95). В большинстве своем киевские дирхемы снабжены или припаянными ушками, или отверстиями для подвешивания, т.е. выполняли роль украшения, подчеркивали социальный статус владельца. В шести захоронениях дирхемы или входили в состав ожерелья наряду со стеклянными бусинами, ракушками и т.д., или использовались как подвески. Исключением являются несколько десятков серебряных арабских монет, обнаруженных в камерном погребении знатного дружинника (А25).

Реже встречаются византийские монеты. Они найдены в четырех погребениях (А12, 27; В11, 125). Византийские монеты, как правило, располагались у тазовых костей покойника. В качестве примера можно взять камерное захоронение А12. В кожаном кошельке дружинника помещались четыре византийские медные монеты: ранняя — Льва IV (886—912 гг.), поздняя около 920 г. Константина Багрянородного (913—959 гг.).

Монеты в древнерусских погребениях — вспомогательный датирующий материал. Наиболее ранняя арабская монета зафиксирована в захоронении А29, чеканки 759—760 г. при Абу аль Джафари аль Мансуре. Остальные принадлежат монетному двору Саманидов и датируются концом IX — началом X в. (892—913 гг.). В камерном погребении А4 найден дирхем с отверстием для подвешивания, атрибутирован как чекан Саманида Мансура ибн Нуха (961—976 г.). Если монета определена правильно, она является самой поздней нумизматической находкой из киевских дружинных захоронений.

Находки монет на киевских некрополях существенно повлияли на определение даты погребальных комплексов. Л. Голубева, опи-

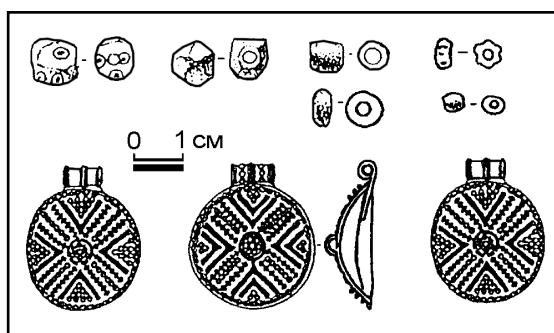

Рис. 33. Стекланные бусины и серебряные подвески из А14 (по Ивакин 2005: рис. 7: 1, 4).

Fig. 33. Glass beads and silver pendants A14 (after Ивакин 2005: fig. 7: 1, 4).

раясь на наличие дирхемов VIII—IX в., относит и захоронения, в которых они были найдены, к этому периоду (Голубева 1949: 109, 112—113). М. Каргер справедливо отметил, что дата монеты не может совпадать со временем захоронения (Каргер 1958: 222). Поскольку большинство монет из киевских захоронений относятся к началу или середине X в., то сами захоронения осуществлены в середине — второй половине указанного столетия. (Каргер 1958: 226). Опираясь на анализ нумизматического материала погребений в районе Десятинной церкви, П. Толочко предположил, что городской могильник IX—X вв. прекратил свое существование в первой половине X в. (Толочко 1970: 64). По подсчетам В. Потина, промежуток времени между чеканкой монеты и сооружением могилы составлял не менее 50 лет (Потин 1971: 71). Поэтому версия М. Каргера об активном существовании могильника во второй половине X в. выглядит более обоснованной.

Элементы поминальной трапезы. Свидетельства традиции ставить еду в захоронение до сих пор известны в фольклоре, прежде всего в сказках. Переход сказочного героя от жизни к смерти происходит только в результате употребления загробной пищи. Только тогда он присоединяется к сонму мертвых (Еремина 1991: 55). Погребальная трапеза фиксируется по следующим признакам: находки посуды (как правило, фрагментированной), в которой она сохранялась, и остатки погребальной пищи в виде костей животных.

В киевских камерных погребениях часто встречаются деревянные ведра с железной оковкой и дужкой (рис. 36). Подобные находки характерны для дружинных погребальных комплексов Чернигова, Шестовицы (Блфельд 1977: 89—90; Моця 1990: 35). Поскольку дерево и вещи из органических материалов в киевских могилах сохраняются далеко не всегда, то реконструкция присутствия тех или иных

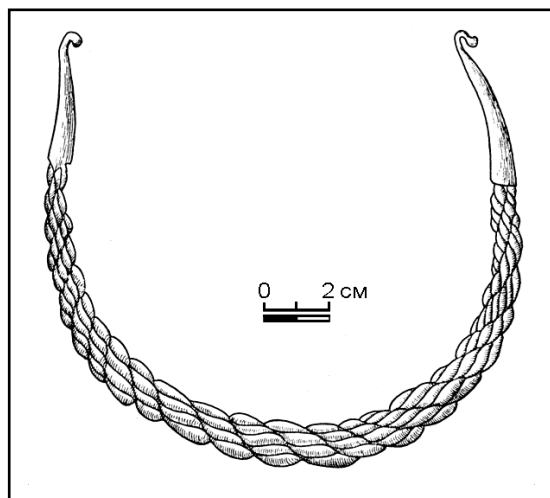

Рис. 34. Серебряная гривна из А21 (Хойновский 1893: табл. XVI).

Fig. 34. Silver "hryvna" of A21 (Хойновский 1893: tab. XVI).

артефактов происходит по находкам металлических деталей от них. Металлические детали от ведер известны в 12 погребениях (А2, 4, 5, 9, 10, 12, 13, 15, 20, 23; В11, 115). О находках ведер при раскопках курганов над ул. Фрунзе вспоминал В. Хвойка (Хвойка 2008: 73). Как правило, сохранность дерева не позволяет определить его породу. Исключением является ведро, сделанное из сосны, из погребения А20. Судя по тому, что хвойные породы деревьев не используются для бытовой посуды, ведро могло предназначаться только для ритуальных нужд (Мовчан, Климовский 2001: 193). Этот факт подтверждает и его оковка, украшенная железными кольцами наподобие шумящих подвесок. В ведре иногда находились другие предметы (астрагалы) (Килиевич, Харламов 1984: 14). Вполне возможно, что, кроме ведер, при захоронении могли использовать берестяные ковши. Подобная находка обнаружена в камерном погребении на Михайловской горе (А19).

Известны находки и других видов деревянной посуды — фрагменты серебряной оковки чаш, кубков или ковшей (А11, 14, 26; В11).

Курганные захоронения довольно часто сопровождается керамическая посуда или ее фрагменты (рис. 37). К сожалению, характер фиксации материала при исследовании не всегда позволял определить, где находились предметы: на дне могильной ямы или в заполнении (т. е. происходили из культурного слоя, в котором осуществлялось захоронение). Как правило, керамическая посуда находилась в ногах погребенного, а ведро справа от покойника (Михайлов 2005: 11). Например, в камерном погребении А2 выявлено четыре горшка, стоявшие справа от покойника и в его ногах.

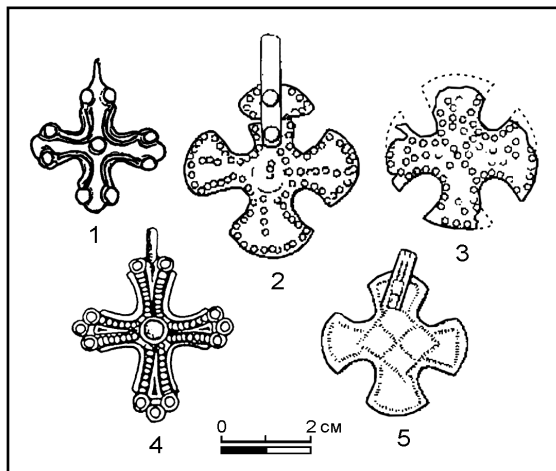

Рис. 35. Крестообразные подвески. 1 — А14 (Ивакин, Козюба 2003: рис. 5: 2); 2—3 — А 29 (Каргер 1958: табл. XXIX); 4 — В82 (Ивакин 2005: рис. 9: 20); А27 (Каргер 1958: табл. XXVIII).

Fig. 35. Cross-shaped pendants. 1 — А14 (Ивакин, Козюба 2003: fig. 5: 2), 2—3 — А29 (Каргер 1958: tab. XXIX), 4 — В82 (Ивакин 2005: fig. 9: 20), А27 (Каргер 1958: table XXVIII).

Очень редко встречается стеклянная и металлическая посуда. Найдены фрагменты стеклянного блюда в погребении А19. В камерном погребении А14, среди прочего сопроводительного инвентаря была бронзовая чаша (рис. 38).

Очевидно, ведра и керамические горшки служили для хранения сыпучих и жидких продуктов, таких как каша, молоко, мед, пиво. Определить точную закономерность расположения посуды и помертной пищи пока не удастся. Не исключено, что ее ставили в свободном от захоронения и сопроводительного инвентаря месте.

Иногда в заполнении дружинных захоронений Киева фиксируются и остатки сопроводительной пищи: например, в погребении В74 в ногах у погребенного находились расколотые кости животных. В захоронении В94 найдена скорлупа яиц.

Другие особенности погребального обряда

В погребальном обряде киевлян зафиксированы черты, связанные с более древними традициями. В аристократическом погребении А24 покойник был посыпан пеплом и углем. Нет никаких сомнений, что в этом обряде отразились пережитки трупосожжения (Каргер 1958: 157). Похожие обычаи, характерные для периода перехода от кремационного обряда, зафиксированы на Шестовицком могильнике (Бліфельд 1977: 16—17). Уголь и угольные слои прослеживаются в археоло-

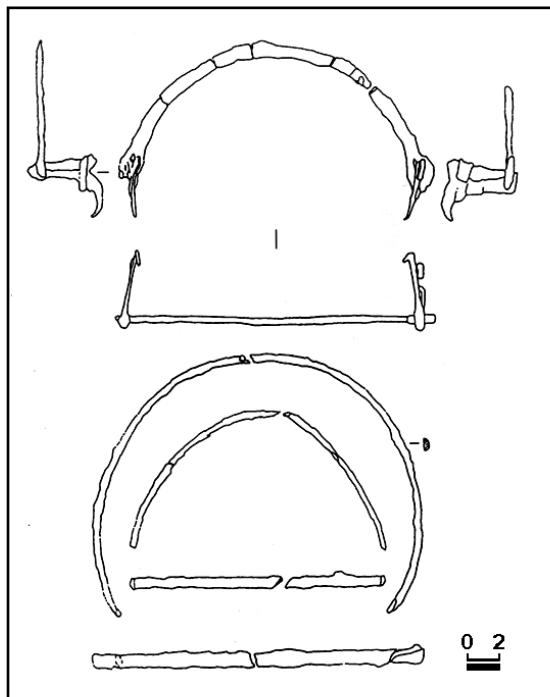

Рис. 36. Металлические детали ведер из А15 (Ивакин 2005: рис. 11: 18).

Fig. 36. Metal parts of buckets from А15 (Ивакин 2005: fig. 11: 18).

гических материалах русских городских кладбищ до XVII в. (Панова 2004: 148—149).

На погребальном костре, открытом в конце 1890-х гг. на территории Софийского монастыря (Кр10), по словам В. Хвойки, были «обнаружены поджаренные зерна пшеницы и проса, расположенные слоями» (Хвойка 2008: 74). Зерно у славян выступало символом возрождения новой жизни. Обычай разбрасывать рожь и ячмень позади похоронной процессии фиксируется этнографами еще в начале XX в.: украинцы и белорусы посыпали жилье и место, где лежал покойник, зерном. За похоронной процессией также разбрасывали рожь и ячмень; иногда зерно бросают на гроб — «для того, чтобы в доме никто больше не умирал» (Зеленин 1991: 349).

Иногда покойников хоронили, укрывая берестой. В Киеве дважды встречались захоронения (В9, 20), в которых покойники лежали в прямоугольном углублении, обложенные берестой. В В9 покойник от надбровных дуг до таза был обложен лубом. Лубом был обернут череп коня в А23. Береста присутствует в городских погребениях Северо-Восточной и Западной Руси в течение долгого периода: в отдельных районах эта традиция уходит в XVII—XVIII вв. (Панова 2004: 147—148). У многих первобытных народов прослеживается следующая этапность жизненного цикла: рождение — жизнь — смерть — снова рождение

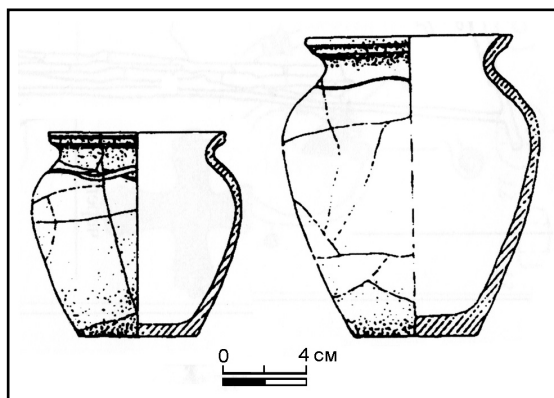

Рис. 37. Керамические горшки из А15 (Ивакин, Козюба 2003: рис. 2б: 9, 10).

Fig. 37. Ceramic pots from A15 (Ивакин, Козюба 2003: fig. 2b: 9, 10).

ние. Сибирские народы, чтобы укоротить срок между смертью человека и его последующим рождением, пеленали покойника, как ребенка (Косарев 2010: 36—37). Не исключено, что укрытие берестой связано с подобными представлениями и у русов.

Выводы

Идеологические представления киевлян, социально-экономические процессы в городе периода становления Киевской Руси отображают особенности погребального обряда на дружинных городских могильниках X в. Особенности погребальных традиций дружинного Киева свидетельствуют о неоднородности этнического состава его населения. Здесь присутствуют черты обряда, характерные для славян, скандинавов, финно-угорских племен.

Анализ значительной базы источников, накопленной киевскими археологами за почти полутора вековую период изучения могильников города, позволил создать каталог киевских погребальных памятников дружинной эпохи (168 погребальных комплексов). На курганных могильниках Киева исследовано 155 ингумаций (92%) и 13 (8%) кремаций. Это соотношение большинство исследователей считают относительным по следующим причинам:

1) авторы раскопок конца XIX — начала XX вв. упоминают о десятках раскопанных ими кремаций (В. Хвойка), информация о которых до нас не дошла.

2) считается, что многие объекты были уничтожены во время массовой застройки города в XI—XIX вв. (особенно это касается трупосожжений, совершенных на уровне древней дневной поверхности). Если погребение в гробу или срубной камере трудно не заме-

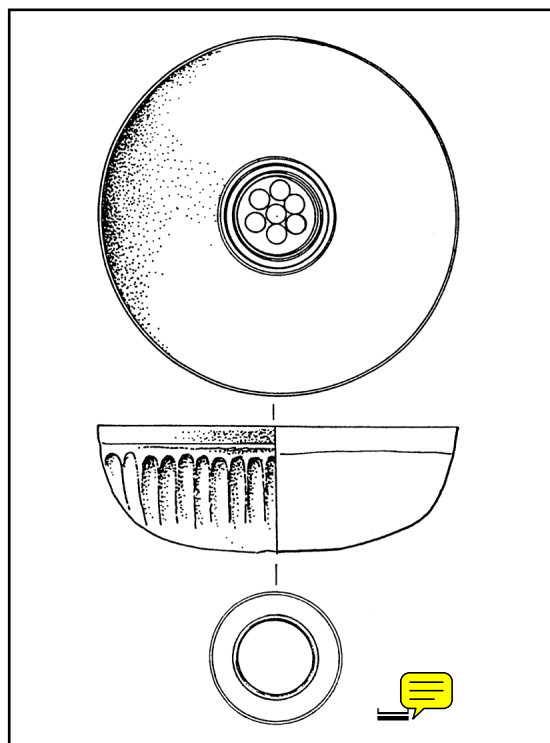

Рис. 38. Бронзовая чаша из А14 (Ивакин 2005: рис. 5: 34).

Fig. 38. Bronze bowl from A14 (Ивакин 2005: fig. 5: 34).

тить, то на горшок с пеплом и пережженными костями, как правило, внимания не обращали.

3) методический уровень проведения раскопок не давал возможности зафиксировать кремации (Каргер 1958: 162; Толочко 1970: 61).

Все эти аргументы полноценны лишь частично. В. Хвойка действительно упоминает сотни кремаций, найденных им на ул. Фрунзе, 71. Однако полевой документации исследователь не оставил, а те захоронения, которые удалось идентифицировать, скорее всего, связаны со славянскими поселениями VII—IX вв., не относящимися к городской структуре Киева.

Уничтожались при застройке второй половины XIX — начала XX в. не только трупосожжения, но и ингумации, в первую очередь богатые камерные захоронения, которые были разграблены строителями или хозяевами усадеб (Хвойко 2008: 81). В таких случаях информация о находках не всегда попадала в газеты.

Действительно, отсутствие необходимой археологической методики негативно сказалось на фиксации погребальных комплексов в дореволюционный период исследований. Но в то же время были и исключения. Наиболее масштабные раскопки киевских погребений проводились в районе Десятинной

церкви в 1908—1911 гг. — именно поэтому курганную группу 1 мы можем считать наиболее изученной. Во время раскопок Д. Милеева открыто 54 захоронения, из которых 49 труположений, и только пять из них осуществлены по обряду кремации. Уровень фиксации объектов, предложенный Б. Фармаковским и Д. Милеевым, считается достаточно высоким, поэтому объяснить малочисленность найденных кремаций на участке недостатком методических навыков не так просто. Позже эту же группу исследовали Т. Мовчановский, М. Каргер, С. Килиевич и другие, и почти за сто лет было выявлено только два захоронения, совершенных по обряду трупосожжения. Таким образом, за все годы исследований в районе Десятинной церкви найдено десять кремаций, что составляет менее 10% от всех найденных на этой курганной группе захоронений.

Поэтому, на наш взгляд, следует опираться только на достоверную информацию и анализировать имеющийся в наличии материал. Киевских захоронений, совершенных по обряду кремации, найдено немного. Сравнивая киевские могильники с другими древнерусскими могильниками дружинного периода, мы наблюдаем чрезвычайно малый процент трупосожжений. Для сравнения, по подсчетам Д. Блифельда, на Шестовицком могильнике процент трупосожжений достигает 37,5% (Блифельд 1970: 14). Кремации и их остатки, исследованные на курганных могильниках Пскова, составляет 90,4% (Милютин 1997: 256). Соотношение между кремациями и ингумациями Бирки составляет примерно 1:1 (Gräslund 1980: 7, 51). Большинство киевских кремаций лишено сопроводительных предметов, не найдено ни одного комплекса, который по характерным особенностям инвентаря (оружие, украшение, элементы снаряжения всадника и т.д.) можно было бы соотнести с киевскими дружинниками. Даже предположив, что количество кремаций было в несколько раз больше, приходится признать приоритет ингумационного обряда.

Ориентация большинства погребений с ингумациями соответствует канонам христианского обряда: тело покойника укладывают головой на запад (с небольшими сезонными отклонениями).

Распространено скрещенное положение рук на животе или на груди. Наличие курганной насыпи на киевских некрополях не может означать преобладание языческого мировосприятия, к тому же они далеко не всегда фиксируются. Курганы, оставаясь внешней языческой формой в христианской погребальной

традиции, просуществовали еще несколько веков после официального крещения Руси. Курганные могильники функционировали при таких больших городах, как Псков, Рязань, Суздаль и т.д., с безусловным присутствием представителей церковной иерархии (Панова 2004: 23—25).

На основе созданного каталога можно выделить основные типы погребальных сооружений X в. Анализ материалов из погребений позволяет сделать выводы о значительном социальном и имущественном расхождении населения в рассматриваемое время. Основная масса киевлян осуществляет погребение в деревянных гробах и могильных ямах, характерных для христианской традиции. Сопровождающие предметы в таких могилах, как правило, малочисленны и бедны. Зафиксировано много безынвентарных захоронений. Возможно, в таких погребениях находились вещи, изготовленные из органических материалов (дерева, ткани и т.п.), которые не сохранились, хотя, скорее всего, в большинстве могил инвентарь отсутствовал изначально. Характерной находкой в рядовых мужских захоронениях являются ножи и точильные бруски. В сумках-кошельках, которые крепились к поясу, хранились кремь и огниво. Для женских рядовых погребений типичны височные кольца, элементы ожерелья, серьги.

Киевская элита хоронила своих представителей в камерных гробницах — деревянных сооружениях, которые выполняли роль дома для мертвых. Особенности конструкции камер повторяют основные строительные традиции лесной и лесостепной полос средневековой Европы (срубные и каркасно-столбовые постройки). На киевских могильниках найдено пять типов камерных погребений: дружинника; богатой женщины; дружинника с конем; дружинника с женщиной; дружинника с конем и женщиной. Погребение в камере отличалось от рядового погребения наличием чрезвычайно богатого и разнообразного инвентаря. Основная масса дорогого, многочисленного и разнообразного инвентаря была найдена в камерных погребениях и их разновидностях (27 комплексов) и в некоторых рядовых могилах (девять комплексов). Учитывая состояние погребальных комплексов на момент археологизации (последствия ограблений, перезахоронений, строительных работ и уровня фиксации при исследовании в дореволюционный период), можно предполагать значительно более широкий первоначальный состав погребального инвентаря в погребениях (разграбленных). Захоронения

русской военной знати ярко представлены богатыми наборами военного снаряжения (мечи, луки, стрелы, топоры, копья, щиты, кольчуги, элементы конской упряжи, поясные наборы и т.д.). В некоторых мужских захоронениях найдены монеты в кошельках. Характерной категорией женских захоронений являются украшения: сложные ожерелья из дирхемов, раковин, лунниц и различных бусин, фибулы, височные кольца, серьги, кольца и т.д. Нет сомнения, что камерные погребения принадлежали богатым представителям дружинной аристократии. Камеры — тип погребальных сооружений, в частности, в скандинавских странах он возникает одновременно с процессами христианизации. Связь с проникновением новой веры подтверждают и находки предметов христианского культа.

Трактовать наличие богатого погребального инвентаря в могилах киевской аристократии как характерный признак язычества нельзя. Это ошибочное утверждение возникло по причине интерполяции позднего христианского погребального обряда на древнерусские традиции. Судя по находкам на территории древнерусских земель и применению европейских аналогий, практика положения богатого инвентаря (прежде всего оружия) была распространенной и после окончательного утверждения христианства. Эту точку зрения подтверждают и археологические находки аристократических захоронений (XI—XIII вв.) в других древнерусских городах (Панова 2004: 162—163). Подобная традиция зафиксирована и в других европейских странах. В переходный период от язычества к христианству погребальный обряд кладбищ Готланда (Швеция) долгое время не исключал наличие инвентаря. В Финляндии христианство побеждает во второй половине XI в., одновременно в захоронениях того периода остается богатый инвентарь (Ресдаль 1986: 166—167; Эря-Эско 1986: 172). А. Кирпичников приходит к выводу о преобразовании языческого сопроводительного инвентаря в развитую феодальную символику (Кирпичников 1966: 49—51). А. Мусин считает, что богатый инвентарь подчеркивал принадлежность покойного к благородному сословию (Мусин 2002: 42). Для захоронений мужчины это предметы вооружения и снаряжения боевого коня, в женских могилах — драгоценные украшения и одежда.

Таким образом, богатый инвентарь в захоронениях знати подчеркивал их высокий социальный статус, а не свидетельствовал о языческом мировосприятии.

Дружинная субкультура Руси в IX — начале XI в. переживает сложный этап изменения идеологических — религиозных традиций, непосредственно связанный с проникновением христианства. Изменения в идеологической сфере тесно связаны с социально-экономическими процессами, происходящими в восточнославянских землях: распадом родовых и зарождением раннефеодальных отношений, формированием древнерусского государства. В течение IX—X вв. происходят заметные изменения в экономике и общественных отношениях жителей Среднего Приднепровья. Оживляется международная торговля. Одним из основных катализаторов государства в восточнославянском регионе можно признать межэтническую военно-торговую формацию русов во главе с представителями семьи Рюриковичей (Лебедев 1997: 201—207; Франклин, Шепард 2000: 138—167). Имея в своем распоряжении мощную военную силу и большой экономический потенциал, накопленный во время военных походов и торговых экспедиций, русское дружинное объединение становится костяком будущей Киевской Руси. Дальнейшему развитию государственного организма мешало славянское язычество. Оно усложняло процессы трансевразийского обмена, в котором Русь принимала активное участие, а также поддерживало сепаратистские тенденции в славянских племенах, подвластных Рюриковичам (Толочко 1987: 70). Необходимость смены веры четко понимала элитарная верхушка Руси, которая уже со второй половины IX в. предпринимает попытки ввести христианство на подвластной территории. Мировоззренческие новации начинаются с социальной верхушки, которая ищет новое идеологическое основание, более пригодное для новых социальных и экономических отношений. Этим фундаментом становится христианская религия.

Письменные источники, происходящие из Византии, Востока и европейских стран, сообщают о крещении Руси (или, по крайней мере, ее части) в IX в. В то же время в иностранных источниках полностью отсутствуют сведения о крещении Руси около 988 г. М. Брайчевский считал, что именно в 860-х гг. состоялось крещение значительной части древнерусской феодальной верхушки, а обращение Владимира закрепило окончательную победу христианства в Киеве (Брайчевский 1988: 38—45). Поэтому, по мнению исследователя, иностранные источники и не упоминают о крещении Руси, как государственного образования. В конце X в. для соседей-иностранцев она уже более века

была христианской. Есть версия, что история «крещения Владимира» опиралась на публицистические произведения 1040-х гг., предназначенные доказать независимость Русской церкви от Константинополя, и внесли ее в летописные тексты в конце XI в. (Яковенко 2005: 47). В пользу этого предположения указывает и ряд стереотипов, использованных летописцем при изложении событий, связанных с правлением Владимира Святославича (развратник и идолопоклонник крестится, разрушает капища, возводит церкви и т.д.) (Рычка 2005: 44—85). Вопросы трактовки письменных источников по данной проблеме остаются дискуссионными, не вызывает сомнений лишь то, что в X в. значительная часть киевлян приняла христианство в той или иной его форме.

Однако на первом этапе культура новообращенных имеет синкретический характер, при котором христианский смысл закрывается языческой формой. В переходный этап

от язычества к христианству проявляются различные смешанные представления, существующие до тех пор, пока церковь не утвердится настолько, чтобы начать борьбу против местных обычаев и обрядов.

В современной западноевропейской науке активно обсуждается практика принятия неполного крещения (*primo signatio*), которая открывала путь к христианской общине, однако не возражала против связей с языческим миром (Staecker 1999: 399; Мусин 2002: 66—67). У нас нет доказательств в пользу существования подобной практики на древнерусских землях, но сопоставление с процессами, происходившими у европейских народов в период их христианизации, по нашему мнению, правомерно и необходимо. Это поможет понять, почему погребальный обряд киевлян X в., оставшись по сути языческим, находился под влиянием христианской обрядности, ощутимо отразившейся на его форме и содержании.

Каталог погребений X в.

Кремации

Некрополь I, курганная группа 1

1. Кремация (по М. Каргеру — № 98) обнаружена в мае 1909 г. раскопками Археологической комиссии (Д. Милеев) на усадьбе Десятинной церкви, у апсиды. Известна исключительно по сообщениям прессы. Исследовано кострище с фрагментами лепной керамики, обгоревшими фрагментами бронзовых изделий и человеческих костей (Каргер 1958: 163; Килиевич 1984: 142).

2. Кремационные захоронения (по М. Каргеру — № 99) обнаружены в июне 1909 г. раскопками Археологической комиссии (Д. Милеев) на усадьбе Десятинной церкви восточнее древней церкви. Большой костер, в центре которого выявлен хорошо сохранившийся глиняный кувшин с большим количеством перегоревших костей (Каргер 1958: 163—164; Килиевич 1984: 142).

3. Погребение обнаружено в 1909 г. Д. Милеевым. Найден целый горшок диаметром 19 см (Козюба 2005: 179).

4. Погребение (по М. Каргеру — № 100) выявлено в 1910 г. раскопками Археологической комиссии (Д. Милеев) на усадьбе Десятинной церкви южнее новой церкви. Зафиксирован «сосуд в стоячем положении с пережженными костями черепа без угольков» (Каргер 1958: 164; Килиевич 1984: 142; Козюба 2005: 179).

5. Погребение (по М. Каргеру — № 101) обнаружено в 1910 г. раскопками Археологической комиссии (Д. Милеев) на усадьбе Десятинной церкви южнее новой церкви, под фундаментами древнего дворца. Зафиксирована линза длиной 1,3 м и толщиной 0,10 м с пережженными человеческими костями и разбитыми сосудами, а также непережженными костями животных (Каргер 1958: 164; Килиевич 1984: 142; Козюба 2005: 179).

6. Кремация обнаружена в 1977 г. С. Килиевич на усадьбе № 5 по Десятинному переулку. Погребальная

конструкция: курганная насыпь высотой 0,57 м. Более точные размеры кургана установить не удалось, поскольку часть его находилась под кирпичной оградой. На глубине 2,20 м обнаружено кострище удлиненной формы, вытянутой с востока на запад на 2 м. Толщина залегания угля, пепла, обломков перегоревших бревен — 0,30 м. В центре очага находились два глиняных горшка красного цвета, оббитые на половину высоты и наполненные кальцинированными костями людей. По данным Е. Даниловой, в одном горшке содержались кости ребенка трех-пяти лет, в другом — кости взрослого человека. Рядом в кострище зафиксированы маленький целый горшок курганного типа, разбросанные кальцинированные кости, единичные обломки керамики, кости животных (Килиевич 1984: 142—143).

7. Трупосожжение на месте обнаружено при раскопках 2008 г. в Десятинном переулке, 3/5. Размеры очага 0,5×0,4 м, глубина 0,25 м. Сохранились остатки несгоревшего дерева. В заполнении — кости животных, три пуговицы и половинка горшка X в. От кремированного остался фрагмент черепной кости.

8. Погребение (№ 97 по М. Каргеру) обнаружено 28 февраля 1892 г. И. Хойновским на усадьбе Я. Кривоца на глубине 3 м. Кроме массы угля, кусков обгоревшего дерева и человеческих костей, зафиксировано много фрагментов битой керамической посуды и костей животных (Хойновский 1893: 31; Каргер 1958: 163).

Некрополь I, курганная группа 2

9. Кремация (№ 96 по М. Каргеру) найдена А. Анненковым в 1838 г. на Михайловской горе ниже Михайловского Златоверхого монастыря. Урна без ушек и шейки, наполненная пеплом и мелкими человеческими костями (Каргер 1958: 163).

Некрополь I, отдельные погребения

10. Кремационное захоронение (№ 119 по М. Каргеру) открыто в 90-х гг. XIX ст. в усадьбе Софийского собора. Среди инвентаря бронзовая курительница, фрагменты расплавленных металлических предметов и мно-

гочисленные перегоревшие остатки парчи «с затканым золотым узором». По свидетельству В. Хвойки, на кострище найдены зерна пшеницы и проса, расплававшиеся слоями (Хвойка 2008: 74; Каргер 1958: 195).

Некрополь II, курганная группа 3

11. Кремация (по М. Каргеру — № 102) найдена в 1876 г. на усадьбе Марра. В керамическом сосуде с волнистым орнаментом — перегоревшие человеческие кости (Антонович 1879: 252; Антонович 1884: 43; Каргер 1958: 164).

Некрополь II, курганная группа 4

12—13. Два погребения в горшках. Кальцинированные кости уложены таким образом, что «черепные кости находились сверху других остатков» (Хвойка 2008: 75; Каргер 1958: 165).

Ингумации

А. Каталог элитных погребений

Камерные погребения

Некрополь I, курганная группа 1

1. Погребение (№ 109 по М. Каргеру) обнаружено в 1908 г. Д. Милеевым под южной апсидой Десятинной церкви X в.

Погребальная конструкция срубная. Захоронение представляло собой сруб из сосновых бревен, сложенный в «обло». Сруб имел квадратную в плане форму. Размеры деревянных конструкций — 5,5×5,5 м по М. Каргеру; сруб 5,8×5,0 м (яма — 6,4×6,3 м) — по данным исследований 2008—2009 гг., высота сооружения около 0,3 м. Сооружение находилось на 0,5 м ниже фундаментов собора и на 1,4 м ниже уровня древнего культурного слоя. Ориентация сруба: северо-восток — юго-запад. Захоронение, очевидно, ограблено или сознательно выбрано еще во время возведения храма.

Инвентарь. Бронзовая сплошная пряжка, бронзовая литая ременная бляха (украшения колчана?), несколько корродированных железных предметов и фрагменты керамики. По сообщению С. Вельмина, там же найдены два дирхема (Вельмин 1910: 144; Каргер 1958: 172—174; Ивакин и др. 2010: 384—385).

2. Погребение (№ 110 по М. Каргеру) обнаружено в 1909 г. северо-восточнее руин Десятинной церкви во время работ экспедиции ИАК под руководством Д. Милеева.

Погребальная конструкция срубная. Зафиксированы остатки срубных конструкций и фрагменты деревянного перекрытия могильной ямы. Размеры погребальной постройки около 3,0×2,0 м. Глубина захоронения от уровня современной дневной поверхности — 4,15 м, от уровня материка — 1,15 м. На стенках ямы прослежены отпечатки стен на высоту до девяти венцов. На фотографии видны фрагменты досок от деревянного пола камеры, а на стенах — следы дерева. Найдено много железных гвоздей, которыми крепились доски верхнего перекрытия. Вероятно, размеры могильной ямы были несколько больше размеров деревянной конструкции.

Ориентация погребенного. Северо-запад.

Положение тела умершего. Судя по положению скелета на фотографии, похоронен ребенок (6—8 лет). Находился в могиле в сидячем положении. Длина скелета — 0,62 м.

Инвентарь. В области грудной клетки погребен-

ного найдены два серебряных дирхема (Ахмеда ибн Исмаила, отчеканенные в Шаше в 911—912 гг.) с отверстием для подвешивания и ушком. На одном из дирхемов вырезан крест с тремя перекладинами. Там же найдена четырехконечная серебряная накладка. У ног умершего находились железные обручи от двух ведер, четыре глиняных сосуда, костяная ложка с плетеным орнаментом, набор из 157 астрагалов (из пяточных костей барана) для игры в бабки (некоторые из них были залиты свинцом). Кроме того, в камере выявлены: фрагмент одностороннего костяного гребня, железный нож, бронзовая фибула, миниатюрный железный топорик, два миниатюрных точильных бруска, часть бронзовых весов, две маленькие серебряные пуговицы с ушками, большое количество ракушек *Unio* с отверстиями для подвешивания, обломки костяных и железных предметов, много железных гвоздей (Вельмин 1910: 138; Каргер 1958: 174—176; Кириевич 1984: 150).

3. Погребение дружинника с женщиной и конем (№ 112 по М. Каргеру) обнаружено в 1936 г. КАЭ ИИМК АН УССР под руководством Т. Мовчановского к северу (северо-западу) от руин Десятинной церкви.

Погребальная конструкция срубная. Захоронение находилось в прямоугольной яме (3,50×3,30 м), вырытой в материковом лессе на глубину 3,75 м от уровня современной дневной поверхности. На стенках ямы были хорошо заметны отпечатки бревен сруба. В центре ямы на плане указаны остатки деревянного столба.

Ориентация погребенных. Запад.

Положение тела умершего. Парное захоронение мужчины и женщины. Возможно, умершие захоронены в сидячем положении.

Инвентарь. Захоронение было частично разграблено в древности. Ожерелье из восьми сердоликовых бусин и восьми серебряных дирхемов с бронзовыми приклепанными ушками для подвешивания (900—923 гг.), три височных кольца «вольнцевского типа» IX—X вв., массивная серебряная кольцевидная фибула с длинной иглой скандинавского типа, серебряный щитковый перстень, бронзовый ключик византийской работы, две жемчужины. Мужскому захоронению принадлежат только остатки железной обивки щита, очевидно, другие предметы украдены грабителями.

В северо-западном углу могильной ямы на расстоянии 0,75 м от человеческих скелетов лежали череп и несколько шейных позвонков коня (Каргер 1958: 178—182; Кириевич 1984: 150).

4. Погребение (№ 123 по М. Каргеру). Обнаружено 29 мая — 1 июня 1937 г. КАЭ ИИМК АН УССР (раскопки Т. Мовчановского) у юго-западного угла внешней галереи Десятинной церкви в грунтовой могиле на глубине 2,95 м от современной дневной поверхности.

Погребальная конструкция срубная: остатки сруба (2,5×1,0 м), который сохранился на высоту 0,25—0,30 м, был сделан из тонких (до 0,1 м) круглых бревен в лапу и скреплен железными коваными гвоздями. Сверху сруб накрыт таким же накатом.

Ориентация погребенного. Юг.

Положение тела умершего — скелет лежал в вытянутом положении, руки вдоль тела.

Инвентарь. У черепа выявлены остатки золотканой парчи, украшенной серебряной нитью. По бокам черепа — по два золотых височных кольца с незамкнутыми концами. Справа от черепа — пастовая бусина, другая, такая же, найдена у правой ноги. У шеи и на груди лежали четыре сердоликовые, две пастовые и семь серебряных бусин. В состав ожерелья входила также

№5. 2011

подвеска в виде золотого кольца, с пастовой бусиной. На руках находились два браслета из серебряной проволоки с незамкнутыми концами. На пальцах рук по два золотых кольца. На пояснице — подковообразная серебряная пряжка и серебряный дирхем плохой сохранности — возможно, чекан Саманида Мансура ибн Нуха (961—976 гг.). У левой ноги стояло деревянное ведро (железный обруч и дужка) (Копилов 1951: 233—235; Каргер 1958: 206—208; Килиевич 1984: 150—151).

5. Погребение (№ 113 по М. Каргеру) обнаружено 01—05.08.1939 г. КАЭ ИИМК АН СССР и ИА АН УССР под руководством М. Каргера под фундаментом западной части центрального нефа Десятинной церкви. Большая часть погребения мужчины была разрушена во время сооружения собора в XIX в., однако сохранилась его восточная часть.

Погребальная конструкция срубная. Перекрытие (накат) состояло из тонких бревен, лежавших в два ряда перпендикулярно друг к другу. Часть перекрытия рухнула на деревянный пол могилы. Под ним были расчищены северная, южная и восточная стены квадратного сруба, сложенного «в обло». Высота стен камеры достигала 0,75—0,95 м, а перекрытие находилось на высоте 1,40 м от дна ямы. Длина восточной стенки сруба — 2,60 м, а южной — 2,80 м.

Ориентация погребенного. Восток-северо-восток.

Положение тела. Вдоль южной стенки сруба лежал скелет, верхняя часть которого не сохранилась.

Инвентарь. Железные обручи и дужка от деревянного ведра, фрагменты гончарной посуды, остатки деревянного колчана с 18—20 стрелами, железные удила, два стремени, остатки конской сбруи с семью бронзовыми и одной серебряной бляшкой, четыре железные пряжки. Между южной стенкой и костяком лежали топор и наконечник копья. В заполнении сруба обнаружены астрагал и три железных гвоздя (Каргер 1958: 182—185; Килиевич 1984: 151).

6. Погребение (№ 105 по М. Каргеру) обнаружено И. Хойновским 6 марта 1892 г. на усадьбе Я. Кривцова (ул. Десятинная, 13—15).

Погребальная конструкция срубная. Погребение совершено в срубе (3,0×2,0 м) с накатом, пол покрыт досками.

Ориентация погребенного. Север.

Инвентарь. Железный меч, распавшийся на куски, железный наконечник копья, лук и колчан со стрелами (50 штук) различной формы и величины, плохой сохранности. Колчан лубяной, обтянутый кожей и украшенный костяными накладками, прикрепленный ремнем с медной пряжкой и наконечником (Хойновский 1893: 28—29; Каргер 1958: 167).

7. Парное погребение (№ 114 по М. Каргеру) обнаружено в 1946 г. КАЭ ИИМК под руководством М. Каргера во дворе дома № 4 по ул. Большой Житомирской, под жилой постройкой XIII в.

Погребальная конструкция каркасно-столбовая. Обнаружена на глубине 2,25 м от уровня современной дневной поверхности. Размеры 3,0×1,7 м. Яма ориентирована по сторонам света. По углам ямы зафиксированы следы от трех деревянных столбов, заостренные в нижней части (вбивались). Местами прослеживались следы перекрытия из перекрестных бревен и фрагменты деревянной обшивки стен.

Ориентация погребенного. Север.

Инвентарь. Вдоль правого бедра мужчины лежал меч. На грудной клетке найдены три бронзовые пуговицы, слева от грудной клетки обнаружены фрагменты же-

лезной оковки колчана и около 20 наконечников стрел. Женский скелет лежал слева от мужского. Никаких вещей при нем не было обнаружено (Каргер 1950: 182—184; Каргер 1958: 185—187; Килиевич 1984: 151).

8. Погребение дружинника с конем исследовано Старокиевским отрядом КАЭ ИА УССР под руководством С. Килиевич (1972 г.). Разрушенное захоронение обнаружено под полом жилища XI в. на ул. Десятинной, 2.

Погребальная конструкция не определена. От конструкции могилы сохранились две деревянные лаги шириной 0,15—0,20 м и длиной 1,40—1,60 м, которые лежали параллельно друг другу с востока на запад. Расстояние между ними достигало 2,2 м. Вероятно, камера была ориентирована с востока на запад.

Рядом с южной стенкой погребальной конструкции обнаружен нарушенный перекопом скелет коня. По определению остеолога, костяк принадлежал самцу 4—6 лет, который достигал в холке 1,40 м. Судя по расположению костей, конь лежал головой на запад. Среди костей животного зафиксированы плечевая кость человека и два ребра.

Инвентарь. Железная подпружная пряжка, две бронзовые сердцевидные ременные бляхи и железное острие копья (Килиевич 1982: 151—152).

9. Погребение обнаружено во время строительных работ 1984 г. на углу Михайловской площади и ул. Десятинной Старокиевским отрядом КАЭ ИА АН УССР под руководством С. Килиевич и В. Харламова.

Погребальная конструкция каркасно-столбовая. Сооружение состояло из камеры (3,65×0,90 м), сооруженной из дощатых стен, прикрепленных к четырем угловым столбам. На высоте 0,75 м от уровня пола камеры располагалось перекрытие из деревянных досок. Костяк погребенного мужчины лежал в деревянном гробу, скрепленном железными гвоздями.

Ориентация погребенного. Запад.

Положение тела умершего. Руки погребенного мужчины были скрещены на животе.

Инвентарь. Под левой рукой погребенного лежал нож с костяной рукояткой и остатки пояса с бронзовыми заклепками. У колена находился железный топор. У головы обнаружены остатки одного деревянного ведра, а на уровне бедра — второго, с 16 астрагалами (Килиевич, Харламов 1984: 14; Мовчан и др. 2003: 114—115).

10. Погребение дружинника с конем обнаружено Старокиевским отрядом КАЭ ИА АН УССР (Я. Боровский) во время строительных работ 1988 г. на ул. Большой Житомирской, 2.

Погребальная конструкция срубная. Сруб прямоугольной формы, в «обло», запущен в материк на глубину 0,8 м и перекрыт слоем глины толщиной 0,5 м. Диаметр бревен 16 см. Размеры: 3,0×3,0 м. Дно замазано глиной. От захоронения человека сохранились только кости ног. Захоронение коня пребывало в анатомическом порядке с подогнутыми ногами. Погребальная камера была разделена на две части — для лошади и для дружинника, которые разделялись тонкой деревянной перегородкой. Большая часть (южная) имела ширину 1,8 м — для лошади, меньшая (северная) — для дружинника.

Ориентация погребенного. Запад.

Инвентарь. Захоронение разрушено и разграблено в древности. У челюсти лошади найдены железные удила. В захоронении обнаружены железные обручи и дужки от ведра. Нижний обруч имел диаметр 0,27 м. К этому же погребению относятся: бронзовый

шест с орнаментом, железная шпора и нож, бляшка со штырьками и серебряная лунница. В заполнении погребальной камеры обнаружен череп собаки, а в северо-западном углу — отдельные фаланги пальцев ребенка (Боровский и др. 1993: 3—42; Мовчан и др. 2003: 115).

11. Парное погребение обнаружено в 1988 г. на ул. Большая Житомирская, 2, Старокиевским отрядом ИА АН УССР под руководством Я. Боровского.

Погребальная конструкция срубная «в обло». Камера размером 4,0×4,0 м была углублена в материк на 0,9—1,0 м. Углы камеры ориентированы по сторонам света, т.е. яма была ориентирована по оси северо-запад — юго-восток. В могильную яму запущен сруб, венцы которого тесно прилегали к стенам ямы. Толщина бревен сруба достигала 0,2 м. Само погребение не сохранилось, так как камера была ограблена еще в древности.

Инвентарь. Найдено около 70 серебряных с позолотой поясных бляшек, два поясных кольца, три наколенника пояса, поясная пряжка, девять серебряных пуговиц, костяной гребень в футляре, четыре серебряные накладки от двух деревянных чаш, шесть сердоликовых 10-гранных бусин и 11 стеклянных, железный нож, серп, железный умбон и оковки от деревянного щита, навершие шлема, фрагмент точильного бруска с отверстием, вставка для перстня из бесцветного камня, железная оковка лопаты (Боровский и др. 1989: 5—12; Боровский, Архипова 1993: 3—8; Мовчан и др. 2003: 15).

12. Погребение мужчины выявлено Старокиевской экспедицией ИА НАНУ 2002 г. на ул. Большой Житомирской, 2, в северном притворе бывшей церкви Александра Невского.

Погребальная конструкция срубная «в обло». Подквадратной формы сруб из тонких расколотых бревен размерами 3,2×3,0 м. Доски (или плахи) толщиной 5—6 см выступали за пределы сруба на 0,3—0,35 м. Камера была перекрыта накатом из бревен диаметром 0,18—0,2 м. Глубина — 0,7 м. Котлован камеры был ориентирован стенками по сторонам света. Скелет погребенного мужчины 30—50 лет (рост 1,75 м) лежал в центре камеры на деревянных носилках размерами: 2,15×1,3 м. Носилки состояли из двух продольных и трех поперечных шестов диаметром 0,1—0,12 м и 0,08 м. Поверх скелета сохранились фрагменты кожаного покрывала.

Ориентация погребенного. Запад.

Инвентарь. У головы обнаружен берестяной колчан с 26 железными стрелами ромбовидной формы. Меч (0,94 м) лежал справа вместе с остатками деревянных ножен и портупей. Слева обнаружены железные оковки и ручка от ведра. У плеча лежали две шаровидные серебряные полые бусины. В районе костей таза обнаружены остатки кожаного кошелька-ташки, украшенного бронзовыми бляшками-накладками. В нем лежали четыре византийские медные монеты: ранняя — Льва IV (886—912 гг.), поздняя — около 920 гг., Константина Багрянородного (913—959 гг.). Рядом найдены нож и точильный брусок. (Мовчан 2002: 62; Мовчан, Боровский 2003: 190—191).

Некрополь I, курганный группа 2

13. Погребение девочки-подростка (11—12 лет) (№ 30 по Г. Ивакину) обнаружено в 1999 г. ААЭ ИА НАНУ (Г. Ивакин) между Михайловской церковью XII в. и Варваринским корпусом Михайловского Златоверхого монастыря.

Погребальная конструкция, срубленная из досок «в обло». Погребальная яма — 2,75×2,15 м, ориенти-

рована по оси запад-восток. Глубина от уровня древней поверхности — 0,85 м. Деревянная камера (2,25×1,75 м) была составлена из досок шириной 10—12 см. Она сохранилась на высоту двух-трех досок. В углах камеры доски выступали на 0,2 м. Дно камеры было покрыто досками шириной около 0,15 м, по оси север-юг. В камере вдоль западной и восточной стенки обнаружено около 20 железных гвоздей (т.е. были использованы два бруска для крепления верхнего перекрытия). Разрушенная верхняя часть скелета лежала в районе тазовых костей (предположительно, покойная была погребена в сидячем положении).

Ориентация погребенного. Запад.

Инвентарь. Погребение было ограблено в древности. На это указывают разбросанные кости, предметы. На фаланге одного пальца руки было серебряное проволочное кольцо в полтора оборота, на другой — аналогичное кольцо и серебряный перстень с широким пластинчатым щитком и концами, которые были обмотаны проволокой и завязаны узлом-спиралью. Еще один серебряный перстень с завязанными концами обнаружен слева от скелета. Две серебряные подвески скандинавского типа с орнаментом из скани и зерни находились в районе таза. Слева от скелета найден костяной наборный гребень (длина 10,3 см), рядом — три фрагмента от его футляра. На дне погребальной камеры возле западной стенки обнаружены обломки железных оковок от сундука. На внешней стороне некоторых пластин сохранились отпечатки тканей разных видов. Среди других находок в погребении следует упомянуть небольшой железный ключик, сильно корродированный нож. Под восточной стенкой камеры выявлены оковки от деревянного ведра (диаметр 17—18 см) с ушком и ручкой. В западной части камеры лежали остатки жертвенной пищи — кости птицы и ребро животного (Ивакин, Козубовский 1999: 5—6; Ивакин 2002: 39—40; Ивакин, Козюба 2003: 95—96; Ивакин 2005: 288).

14. Погребение (№ 49 по Г. Ивакину) женщины (16—18 лет) обнаружено Архитектурно-археологической экспедицией ИА НАНУ (Г. Ивакин) у Варваринского корпуса Михайловского Златоверхого монастыря, в 6 м на запад от камеры № 15.

Погребальная конструкция срубная из досок «в обло». Захоронение частично разрушено фундаментом Варваринского корпуса и двумя ровиками ограда монастыря XII в. Погребальная яма — 4,0×3,45 м, ориентированная углами по сторонам света. Глубина — 0,9 м от древней дневной поверхности. Стены деревянной камеры (3,0×2,7 м) были составлены из горизонтальных досок шириной 17—20 см, которые выступали за углы на 15—20 см и сохранились на высоту трех досок.

Ориентация погребенного. Запад.

Инвентарь. Костяк сохранился частично. В захоронении обнаружено более 70 артефактов из металла (золото, серебро, бронза, железо), стекла и пасты, остатки изделий из дерева и ткани. На черепе сохранились остатки очелья с серебряным шитьем (ширина 1,5 см). Справа на нем лежала ромбовидная пластинка из серебряной фольги. На шее расчищено ожерелье, состоявшее из 26 украшений. В его состав входили 19 стеклянных бусин, золотое кольцо из рубленой проволоки с завязанными концами с оранжевой пастовой бусиной. В центре находились три серебряные позолоченные подвески (диаметр 2,4 см), их поверхность украшала зернь двух видов. Подвески держались на цилиндрических ушках (длина 0,8 см, диаметр 0,4 см), также украшенных зернью. Ближе к краям ожерелья располагались две серебряные, с позолотой, поясные накладки с припаян-

№5. 2011

ными ушками. С внешней стороны они были украшены растительным орнаментом. На груди погребенной лежали четыре серебряных украшения, соединенные между собой серебряной цепочкой. Круглая (диаметр 3,9 см) серебряная украшенная сканью и зернью фибула типа «Терслев», с иглою и кольцом с тыльной стороны. Дальше цепочка проходила сквозь два перстня и заканчивалась фибулой в виде проволочного кольца с завязанными концами и иглы. У левого локтя обнаружены остатки истлевшего предмета — то ли деревянной чаши, то ли кожаной сумки. Верхняя часть изделия была украшена серебряными зажимами, а нижняя — серебряным крестом-накладкой (3,0×3,0 см) со штифтами. Крест штампованный с орнаментом в виде точек, расположенных по его периметру. Рядом лежал крест-подвеска «скандинавского» типа с трехлиственными клиновидными концами. Справа лежал нож, обмотанный серебряной проволокой. Справа от скелета (на расстоянии 0,7 м) находились остатки деревянной шкатулки с фрагментами железных оковок и 27 стеклянных пластинок разного цвета, которыми она была инкрустирована. В шкатулке хранились: железные пружинные ножницы, пинцет, бронзовая пряжка, чаша из бронзового сплава, стеклянная бусина. В заполнении канавки ограды монастыря было найдено еще две бусины, которые тоже можно отнести к погребению (Ивакин, Козубовский 1999: 5—6; Ивакин 2002: 40; Ивакин, Козюба 2003: 96—99; Ивакин 2005: 288—289).

Некрополь I, отдельные погребения

15. Погребение ребенка (6—7 лет) обнаружено в 1998 г. сотрудниками Архитектурно-археологической экспедиции ИА НАНУ (Г. Ивакин) в северо-западной части Софийской площади, неподалеку от переулка Рильского.

Погребальная конструкция срубленная из досок «в обло». Погребальная яма — 2,4×2,3 м. Глубина ямы около 1,0—1,5 м. Камера сохранилась на высоту до 0,2 м, ориентирована стенками по сторонам света. Размеры камеры: 2,4×2,3 м. Стенки сложены из горизонтальных досок, которые выступали на 0,1—0,2 м. Пол был покрыт досками, которые лежали поперек сооружения. Прослежены остатки деревянного перекрытия камеры.

Ориентация погребенного. Юг.

Инвентарь. Погребенный ребенок (6—7 лет) лежал вдоль восточной стены камеры. На черепе нашли два серебряных височных кольца с незамкнутыми концами. Рядом с телом находилось ожерелье из восьми сердоликовых бусин. Возле южной стенки камеры были найдены: остатки деревянного ведерка: дужка ручки с петлями и три обруча. В юго-восточном углу стояли два небольших горшка второй половины X в. Рядом находились детали снаряжения всадника и боевого коня — 10 наконечников стрел (два с намотанной спиралью бересты), пара стремян, три подпружные пряжки, два кольца с тремя пластинчатыми петлями для концов кожаных ремней; ремной набор из бронзовых накладок. Среди других находок — железное ушко от казана (?) и фрагменты корродированных железных и бронзовые изделия, часть из которых можно отнести к сундучку (Ивакин, Козюба 2001: 50—55; Ивакин, Козюба 2003: 39—40).

Некрополь II, курганная группа 2

№ 16. Погребение дружинника с конем (№ 117 по М. Каргеру) обнаружено в 1876 г. на усадьбе купца И. Марра (современная ул. Фрунзе, 53—59).

Погребальная конструкция. По свидетельству В. Антоновича, захоронение было произведено в срубе.

Инвентарь. Погребенный был в полном вооружении: в кольчуге, с шишаком и с обоюдоострым мечом.

Голова лошади была пробита большим камнем, найденным в черепе. В могиле нашли два стремени, восемь наконечников от стрел, бронзовую с серебряной насечкой пряжку, железный наконечник копыя и топор. Также обнаружены крестообразные подвески. О составе инвентаря есть данные разных авторов (В. Антонович, В. Николаев, А. Рогович). Сами предметы утрачены владельцем усадьбы (Николаев 1873: 8—9; Антонович 1879: 252—253; Антонович 1884: 43; Каргер 1958: 190—191).

Элитные погребения в больших могильных ямах**Некрополь I, курганная группа 1.**

17. Погребение женщины 55—60 лет обнаружено во время археологических работ Старокиевской экспедиции Института археологии НАН Украины (И. Мовчан) в 1999 году по адресу ул. Владимирская, 8.

Ориентация. Запад.

Положение тела — в вытянутом положении со сложенными в районе тазовых костей руками.

Погребальная конструкция — обшитая досками погребальная яма глубиной 1,6 м, ширина погребальной ямы 0,72 м. Толщина досок обшивки дна — 4 см, стен — 5 см.

Инвентарь. На груди находилось ожерелье из 11 сердоликовых, стеклянных и пастовых бусин (в центре — золотое кольцо). У висков вдоль черепа были обнаружены по три золотых проволочных кольца диаметром 1,0 см. В области тазовых костей справа найден железный нож, а у правой руки — остатки костяного сложного составного гребня (Мовчан и др. 2003: 116—117).

№ 18. Погребение женщины (40—50 лет) выявлено Старокиевской экспедицией (И. Мовчан) во время строительных работ на ул. Большая Житомирская, 2, в 2002 г.

Погребальная конструкция — могильная яма, ориентированная по оси северо-восток — юго-запад. Ее исследованные размеры — 3,33×1,24 м. Дно ямы на уровне 2,2 м от уровня современной дневной поверхности. На дне ямы обнаружена еще одна яма, ориентированная, как и предыдущая, размерами: 2,24×0,9×0,73 м. Яма перекрывалась сверху 17 расположенными вплотную бревнами диаметром 10—15 см. В яме стоял прямоугольный гроб размерами: 2,5×0,58×0,3 м. Конструкция крепилась с помощью 17 железных гвоздей. Под остатками гроба обнаружены две канавки размерами: 57—58×13—14×7—8 см от брусков гроба.

Ориентация погребенного. Юго-запад.

Инвентарь. Ограблено в XI в. Найдено 10 стеклянных пастовых бусин синего, зеленого, желтого цвета и одна прозрачная бусина. Под черепом — рядом две серебряные с позолотой лунницы, украшенные зернью. Там же найдены височное серебряное проволочное кольцо, серебряная позолоченная пуговица и маленький золотой шарик от ювелирного изделия. На тазовых костях справа найден железный нож (Мовчан и др. 2002: 3—29).

Некрополь I, курганная группа 2

№ 19. Погребение (№ 12 по Г. Ивакину) обнаружено в 1997 г. ААЭ ИА НАНУ (Г. Ивакин) под западной частью наоса Михайловской церкви XII в. Михайловского Златоверхого монастыря.

Погребальная конструкция. Размер погребальной ямы 3,5×2,6 м. Яма ориентирована по линии запад-восток и сохранилась на глубину до 0,5 м. Вдоль северной стенки ямы находился гроб (1,49×0,56 м), сбитый гвоздями.

Ориентация погребенного. Запад.

Инвентарь. Справа от черепа лежало серебряное височное кольцо. На груди находилось ожерелье из 32 предметов. Среди них 16 стеклянных бусин, семь сердоликовых и одна хрустальная, бронзовая пронизка и семь пустотелых серебряных подвесок. На груди было четыре бронзовые литые пуговицы и одна пустотелая. В районе таза лежали остатки дерева с золотой фольгой (от деревянного сундука?); три каменные вставки от перстня, из которых две аметистовые (?) овальной формы (1,0×0,8 см), с выпуклым верхом и еще одна — прямоугольная (0,9×0,7 см), из двух прозрачных пластинок, наложенных одна на другую. Тут же находился нож с деревянной ручкой. У ног стоял берестяной ковш, в котором лежали два миниатюрных лепных необожженных горшка (высота до 5,0 см), а рядом — осколок стеклянного блюда диаметром 0,32 м. Внешнюю сторону посуды украшал рельефный медальон (диаметр 3,56 см) (Ивакин и др. 1999: 5—6; Зоценко 2001: 123; Ивакин 2002: 38—39; Ивакин, Козюба 2003: 93—95; Ивакин 2005: 287).

Некрополь I, отдельные погребения

№ 20. Женское погребение (30—40 лет) обнаружено в 2001 г. Старокиевской экспедицией ИА НАНУ (И. Мовчан) на ул. Рейтарской, 4.

Погребальная конструкция — яма 2,95×1,4 м, углублена в материк на 0,9 м. В яме обнаружены 17 гвоздей длиной 9—11 см. В заполнении встречаются остатки древесного тлена. Яма ориентирована по оси восток — запад.

Ориентация погребенного. Запад?

Инвентарь. Погребение ограблено в древности. Череп и некоторые кости лежат у стенок погребальной ямы. Сохранились: железные оковки ведра диаметром около 13 см. На железных оковках сохранились остатки дерева — сосны. Кроме этого, были найдены пряжка, кольцо, фрагменты белоглиняного сосуда (Мовчан, Климовский 2002: 193).

Элитные погребения с недостаточной информацией о погребальной конструкции

Некрополь I, курганный группа 1

21. Погребение дружинника с конем (№ 106 по М. Каргеру) обнаружено 26—27 февраля 1892 г. И. Хойновским на усадьбе Я. Кривцова (ул. Десятинная, 13—15).

Погребальная конструкция не определена. Грунтовая яма глубиной 3 м, в которой обнаружены скелет человека и скелет лошади.

Ориентация погребенного. Восток.

Инвентарь. Серебряная витая гривна на шее, амфора, глиняная миска, клык кабана и железный наконечник стрелы (Хойновский 1893: 28—29; Каргер 1958: 167—168).

22. Погребение (№ 107 по М. Каргеру) обнаружено И. Хойновским 21 марта 1892 г. в усадьбе Я. Кривцова (ул. Десятинная, 13—15).

Погребальная конструкция не определена. Парное захоронение. На дне могильной ямы пол из досок.

Инвентарь. В погребении нашли большую амфору, бронзовый (?) перстень, костяной наконечник стрелы и стеклянный сосуд (слезница) (Хойновский 1893: 24; Каргер 1958: 168—169).

23. Погребение дружинника (?) с конем (№ 115 по М. Каргеру) обнаружено в 1926 г. раскопками ВУАК

под руководством С. Гамченко на усадьбе Трубецкого (ул. Владимирская, 3).

Погребальная конструкция не определена. Погребальная яма (овальная) 2,5×3,0 м глубиной 0,7 м от уровня материка. На дне ямы лежал скелет коня на правом боку, передние ноги вытянуты, задние подтянуты. Череп коня был обернут лубом.

Инвентарь. При расчистке погребения обнаружены: остатки седла, пара железных стремян, подкова (?), остатки деревянного колчана и лука с 11 наконечниками стрел, железный нож, точильный брусок, железное кольцо, железные обручи и дужка от деревянного ведра, 176 бронзовых бляшек от уздечки (Гамченко 1927; Каргер 1958: 187—189).

Некрополь I, отдельные погребения

24. Погребение дружинника с конем (№ 103 по М. Каргеру) обнаружено на территории Софийского собора в мае 1878 г. во время строительства флигеля у ворот. Возле погребенного лежали стремяна и кинжал. П. Лебединцев упоминает о наличии угля в погребении, В. Антонович говорит о находке железного копья, пряжки и удила (Лебединцев 1878: 64; Антонович 1895: 36; Каргер 1958: 166—167).

25. Погребение дружинника с конем (№ 108 по М. Каргеру) обнаружено весной 1900 г. во время строительных работ на углу улиц Рейтарской и Маловладимирской (современная ул. О. Гончара) (В. Гезе).

Погребальная конструкция неопределенная.

Инвентарь. Меч, нож или кинжал с костяной рукояткой, боевой железный топорик-чекан, многочисленнные ременные серебряные бляшки, два бубенчика, стеклянные игральные шашки, астрагал, железные удила и стремяна. В захоронении обнаружили несколько десятков дирхемов Исмаила ибн Ахмеда 900 г. (отчеканены в г. Шаш) и Насра ибн Ахмеда. Из коллекции Богдана и Варвары Ханенко происходит серебряная скандинавская кольцевидная фибула с длинной иглой, украшенная орнаментом в стиле Борре, которая была отнесена М. Каргером к инвентарю данного захоронения (Гезе 1905: 143—146; Каргер 1958: 169—172).

Некрополь II, курганный группа 1

26. Погребение мужчины (возможно, парное) (№ 118 по М. Каргеру) обнаружено Н. Беляшевским и А. Скриленко в 1899 г. на Верхней Юрковице (сейчас холм над ул. Нижнеюрковская).

Погребальная конструкция. Под насыпью кургана высотой более 2 м и диаметром в основе более 40 м обнаружена прямоугольная могильная яма (4,5×3,15 м), вытянутая по оси северо-восток — юго-запад. Яма была вырыта в материковом грунте на глубину до 1,5 м. Деревянные конструкции не прослежены.

Ориентация погребенного. Юго-восток.

Положение тела умершего. У юго-западной стенки ямы лежал скелет с вытянутыми вдоль тела руками.

Инвентарь. Погребение ограблено в древнерусское время. У левой руки лежали три пастовые бусины и бронзовая пуговица. Неподалеку от ступни правой ноги выявлены: железная шпора, бронзовое литое кольцо и костяная пластинка, вероятно, накладка на колчан. Между голенищами ног похороненного стояла деревянная чаша с серебряной оковкой. В северной — северо-восточной части лежали отдельные человеческие кости, железная шпора и бронзовое фигурное прикамское огниво (Каргер 1958: 191—195; Андрощук 2004: 39).

27. Погребение (№ 124 по М. Каргеру) обнаружено в начале 1890-х гг. при земляных работах на территории

№5. 2011

пивного завода М. Риккерта по ул. Кирилловской (совр. Фрунзе, 35).

Инвентарь. Две бронзовые позолоченные скорлуповидные фибулы (7,5×11 см); круглая серебряная фибула с накладным орнаментом из проволоки (диаметр — 3,5 см); пара серебряных височных колец с подвесками (волынцевский тип); серебряная (бронзовая?) сережка с пастовой бусиной (диаметр — 1,6 см); золотое кольцо; ожерелье из 19 сердоликовых, хрустальных, пастовых, стеклянных, янтарных и одной серебряной бусины с зернью; бронзовая крестовидная пластинчатая подвеска; серебряная прямоугольная пластинчатая подвеска; две византийские серебряные монеты-подвески (931—944 гг.) (Каргер 1958: 208—210).

Некрополь II, курганная группа 2

28. Погребение дружинника с конем (№ 116 по М. Каргеру) обнаружено в 1872 г. на ул. Кирилловской вблизи Иорданской церкви (современная ул. Фрунзе, 43—47).

По свидетельству В. Антоновича, возле погребенного был длинный железный меч с железной рукояткой, украшенной серебряной насечкой, кольцевая бронзовая фибула с остатками позолоты (Антонович 1872; Николаев 1873: 8—9; Каргер 1958: 189—190).

Некрополь II, курганная группа 3

29. Захоронение (№ 125 по М. Каргеру) обнаружено в усадьбе купца Марра (ул. Фрунзе, 53—59) в 1876 г.

Ориентация погребенной. Запад.

Инвентарь. Возле черепа: 4 серебряных и 1 золотая сережки, на которых по две-три хрустальные или пастовые бусины; возле шеи ожерелье из шести стеклянных, одной пастовой и одного серебряного дирхема с ушком для подвешивания чекана Абу Джафари аль-Мансури (759—760 гг.). Тут же две серебряные подвески в виде крестов, орнаментированных кругами; в районе плеч две скорлуповидные серебряные с позолотой фибулы; на поясничных позвонках — небольшой четырехгранный точильный брусок с отверстием для подвешивания (Антонович 1876: 251—252; Антонович 1884: 43; Каргер 1958: 154, 210—212).

В. Каталог рядовых погребений (в гробах и могильных ямах)¹**Некрополь I**

Курганная группа 1А.

Участок Старокиевской горы в районе Десятинной церкви.

(Корзухина 1956: 318—342; Каргер 1958: 138—162; Козюба 2005: 169—189).

1. Неподалеку от «восточного» дворца. 1907 г. В. Хвойка. Западная ориентировка. Погребение найдено в перекопе. В руках короткий меч с костяной рукояткой, справа от головы копье и две стрелы, возле шеи две медные пуговицы. Возле тазовых костей — нож, кресало, кремь, два куска серы. Рядом была найдена яма, в которой находились четыре углубления для сосудов, один из которых был на месте.

2. Неподалеку от «восточного» дворца. 1907 г. В. Хвойка. Западная ориентировка. Возле головы стеклянный раздавленный сосуд. Ожерелье.

3. (1). На восток от Десятинной церкви В. Стасова. 1908 г. Д. Милеев. Западная ориентировка. Гроб: 0,47 (0,40)×1,90 м. Кисти возле плечевых суставов. Справа возле тазовых костей лежали небольшой железный ножик с костяной ручкой и железное кольцо.

4. (2). На восток от Десятинной церкви В. Стасова. 1908 г. Д. Милеев. Западная ориентировка. Гроб шириной 0,57 м. Верхняя часть погребения разрушена.

5. (3). На восток от Десятинной церкви В. Стасова. 1908 г. Д. Милеев. Северо-западная ориентировка. Руки вдоль тела. Возле шеи найдены две большие черные пастовые бусины шаровидной формы с инкрустированным белым орнаментом из двух волнистых пересекающихся полос, между которыми размещены три выпуклые розетки с черным центром, окруженным белыми лучами.

6. (4). На восток от Десятинной церкви В. Стасова. 1908 г. Д. Милеев. Юго-западная ориентировка. Руки вдоль тела, череп раздавлен. Дубовый гроб: 0,59 (0,54)×2,15 м.

7. (5). На восток от Десятинной церкви В. Стасова. 1908 г. Д. Милеев. Западная ориентировка. Истлевший гроб. Правая рука на животе, левая согнута до подбородка.

8. (6). На восток от Десятинной церкви В. Стасова. 1908 г. Д. Милеев. Западная ориентировка. Истлевший гроб: 0,55×1,90 м. Левая рука на животе, правая согнута к подбородку.

9. (7). На восток от Десятинной церкви В. Стасова. 1908 г. Д. Милеев. Юго-западная ориентировка. Могильная яма: 0,4×1,9 м. Скелет лежал в прямоугольном углублении, обложенном берестой. Погребенный от надбровных дуг до таза был обложен берестой. Руки на животе.

10. (8). На восток от Десятинной церкви В. Стасова между центральной и южной апсидами древнего храма. 1908 г. Д. Милеев. Западная ориентировка. Сосновый гроб: 0,22×0,40×2,00 м. Правая рука на груди, левая на животе. Возле тазовых костей слева лежали железный нож с костяной ручкой, железное кресало и кремь, у правого колена наконечник железного копья на деревянном древке, возле шеи две бронзовые пуговицы с ушками. Под поясицей остатки истлевшей кожи с рядом бронзовых пуговиц (пояс).

11. (122). Под средней апсидой древней церкви. 1908 г. Д. Милеев. Юго-западная ориентировка. Гроб: 2,15×0,62/0,54 м. Снизу 2 поперечных доски. Возле шеи 19 мелких бусин, сердоликовые, пастовые, с зернью. Имитация золотого солида Василия I и Константина (869—879 гг.) из серебра с ушком для подвески. Белая раковина с отверстием. На груди серебряная с позолотой круглая фибула. Слева в районе таза два железных предмета (по Д. Милееву — ножницы). Возле правого колена бусины. У ног остатки деревянного ведерка с тремя железными обручами и дужкой, на дне которого лежал серебряный ободок с ручкой от деревянного ковша с донцем, украшенным серебряной крестовидной пластинкой.

12. (9). На восток от Десятинной церкви. 1909 г. Д. Милеев. Северо-восточная ориентировка. На шее ожерелье из раковин, расположенных между маленькими стеклянными бусинами.

13. (10). На восток от Десятинной церкви. 1909 г. Д. Милеев. Юго-западная ориентировка. Истлевший со-

¹ Информация про погребения в каталоге В подается в следующей последовательности: место находки, дата находки, автор раскопок, ориентировка, погребальное сооружение, положение рук, погребальный инвентарь.

сновый гроб. Руки вдоль тела. Несколько металлических пуговиц и кольцо.

14—15. (11—12). На восток от Десятиной церкви. 1909 г. Д. Милеев. Детские скелеты (5—10 лет).

16. (14). Погребение женщины обнаружено на восток от Десятиной церкви. 1909 г. Д. Милеев. Западная ориентировка. Сосновый гроб сколочен железными гвоздями. Ожерелье: из большого количества стеклянных разноцветных больших и малых бусин, сердоликовых граненых бусин, трех серебряных крестиков, серебряного дирхема Исмаила ибн Ахмеда (892—907 гг.). Правая рука на груди, левая вдоль тела.

17. (15). На юго-восток от Десятиной церкви В. Стасова. 1909 г. Д. Милеев. Западная ориентировка. Гроб: 2,0×0,5 м. Руки на животе, череп повернут влево. 14 стеклянных бусин, украшенных орнаментами, на черепе ниже виска — сережка.

18. (16). На юго-восток от Десятиной церкви В. Стасова. 1909 г. Д. Милеев. Сосновый гроб шириной 0,75 м, сбит железными гвоздями.

19. Перед центральной апсидой Десятиной церкви. 1909 г. Д. Милеев. Юго-западная ориентировка. Гроб.

20. Северо-восточный угол Десятиной церкви. 1909 г. Д. Милеев. Юго-западная ориентировка. Покойник укрыт берестой. 4 пуговицы возле ключицы, лента с золотой ниткой на черепе.

21. Возле южной апсиды Десятиной церкви. 1909 г. Д. Милеев. Западная ориентировка.

22. На восток от Десятиной церкви. 1909 г. Д. Милеев. Восточная ориентировка.

23. На восток от Десятиной церкви. 1909 г. Д. Милеев. Западная ориентировка. Руки вдоль туловища.

24. На восток от Десятиной церкви. 1909 г. Д. Милеев. Юго-западная ориентировка. Гроб: 0,55×1,85 м. Сохранился череп, таз и нижние конечности.

25. На восток от Десятиной церкви. 1909 г. Д. Милеев.

26. На восток от Десятиной церкви. 1909 г. Д. Милеев. Возле головы сосуд.

27. На восток от Десятиной церкви. 1909 г. Д. Милеев. Западная ориентировка. Гроб шириной 0,4 м. Правая рука поднята к подбородку, левая вытянута.

28. На восток от Десятиной церкви. 1909 г. Д. Милеев. Западная ориентировка. Руки скрещены на тазовых костях. Слева от черепа — маленькая сережка.

29. Юго-западный угол Десятиной церкви. 1911 г. Д. Милеев. Юго-западная ориентировка. Гроб: 1,75×0,45 м.

30. Северо-западный угол новой церкви. 1911 г. Д. Милеев. Зафиксирована меньшая часть погребальной ямы без скелета.

31. На юг от северо-западного угла галереи Десятиной церкви. 1911 г. Д. Милеев. Юго-западная ориентировка.

32. Перед западным фасадом Десятиной церкви. 1911 г. Д. Милеев. Западная ориентировка.

33. Перед западным фасадом Десятиной церкви. 1911 г. Д. Милеев. Восточная ориентировка. Гроб: 1,0×0,55 м.

34. Перед западным фасадом Десятиной церкви. 1911 г. Д. Милеев. Северо-западная ориентировка. Руки скрещены на тазовых костях.

35. На запад от юго-восточного дворца. 1911 г. Д. Милеев. Юго-восточная ориентировка. Череп повер-

нут влево, руки вдоль туловища.

36. Перед западным фасадом Десятиной церкви. 1911 г. Д. Милеев. Не исследовалось.

37. Перед западным фасадом Десятиной церкви. 1911 г. Д. Милеев. Не исследовалось.

38. (24). На юго-восток от Десятиной церкви В. Стасова. 1911 г. Д. Милеев. Западная ориентировка. Гроб истлел. Возле черепа кочедык с навершием в виде головы зверя и костяной гребень в футляре.

39. (25). На юго-восток от Десятиной церкви В. Стасова. 1911 г. Д. Милеев. Западная ориентировка. Левая рука на животе. Погребение частично врезалось в погребение 38. Возле таза с левого бока рог, под которым железное кресало, кремь и железный нож с костяной ручкой. В районе таза узкий ремень, украшенный мелкими орнаментированными бронзовыми бляшками, закрепленными на коже с помощью загнутых штифтов. На конце ремня бронзовый наконечник (остатки сумки). Кочедык с головой зверя.

40. (26). На юг от Десятиной церкви В. Стасова. 1911 г. Д. Милеев. Юго-западная ориентировка. Гроб с ручками: 0,45 (0,55)×1,8 м. Правая рука на груди, левая на животе. Возле шеи найдено 49 разноцветных стеклянных, граненых сердоликовых, две янтарные, одна хрустальная, три серебряные с позолотой (украшенные зернью) бусин. Справа от черепа лежала одна электрова трехбусинная серьга, слева — два маленьких височных кольца. На пальце правой руки сохранился перстень из серебряной пластинки. На плане Д. Милеева в районе сердца стоит значок в виде креста (возможно, крестик?).

41. (27). Под северо-восточным фундаментом юго-западного дворца. 1911 г. Д. Милеев. Ожерелье из 14 разноцветных стеклянных, одной сердоликовой, одной граненой хрустальной и одной пастовой бусины.

42. (28). На юг от Десятиной церкви В. Стасова. 1911 г. Д. Милеев. Северо-западная ориентировка. Истлевший гроб шириной 0,5 м. Четыре стеклянные бусины.

43. (29). На юг от Десятиной церкви В. Стасова 1911 г. (Д. Милеев). Западная ориентировка. Истлевший гроб. Четыре стеклянные, две сердоликовые бусины, бронзовая пуговица.

44. (30). Под юго-восточным углом Десятиной церкви. 1911 г. Д. Милеев. Западная ориентировка. Гроб шириной 0,35 (0,55) м. Руки вдоль туловища. Ожерелье состояло из 24 бусин, раковин каури и двух саманидских дирхемов: Исмаила ибн Ахмеда 905—906 гг. и неопределенного. К монетам прикреплены ушки; бусины: 14 стеклянных шаровидных, девять пастовых, одна сердоликовая. Четыре височных кольца найдено слева от черепа, четыре — справа.

45. (31). На запад от Десятиной церкви В. Стасова. 1911 г. Д. Милеев. Северо-восточная ориентировка. Могильная яма: 0,5×1,55 м (?). В ногах горшок. Найдены пуговицы.

46. (32). На запад от Десятиной церкви В. Стасова. 1911 г. Д. Милеев. Западная ориентировка. Могильная яма: 0,6×1,7 м. В ногах горшок. Правая рука вдоль туловища, левая — на животе.

47. (33). На юг от Десятиной церкви В. Стасова. 1911 г. Д. Милеев. Бусины и сережки. Кости, сложенные в кучку, — перепогребение во время постройки дворца.

48. (83). Усадьба Художественной школы. 1937 г. Т. Мовчановский. Южная ориентировка. Гроб, сбитый

№5. 2011

железными гвоздями. Справа от погребения взрослой женщины (в том же гробу) лежал детский скелет. Руки женщины находились на груди. В районе шеи ожерелье (более 30 бусин: две плоские, многогранные, сердоликовые, две круглые, серебряные украшенные зернью, 25 стеклянных разной формы, одна целая и два фрагмента граненых зеленых пастовых) и одной литой серебряной лунницы с трубчатым ушком. Одно серебряное височное кольцо из тонкой проволоки.

49. (84). Усадьба Художественной школы. 1937 г. Т. Мовчановский. Юго-западная ориентировка. Гроб: 0,4×0,9 м, сколоченный железными гвоздями с круглыми шляпками. Маленькое височное кольцо с заходящими друг за друга несомкнутыми концами. Фрагменты лепной керамики. Детское погребение.

50. (85). Усадьба Художественной школы. 1938 г. М. Каргер. Северо-западная ориентировка. Гроб, сколоченный железными гвоздями. В погребении найден зуб коня.

51. (86). Под деревянными субструкциями ленточного фундамента Десятиной церкви. 1939 г. М. Каргер. Юго-западная ориентировка. Гроб, по углам сколоченный железными гвоздями. Мужчина 35—40 лет. В районе правой ступни лежал боевой топор, фрагменты колчана с оковками. В нем хранились четыре железных наконечника стрел с древками. Выше колена правой ноги лежало бронзовое кольцо с орнаментом на внешней стороне, немного далее находилось еще два таких кольца без орнамента. Возле правого бедра — овальное железное кресало и кремь. Возле пояса железный нож с остатками от деревянного футляра. Возле черепа неопределенный ржавый предмет с остатками дерева. В ногах — бесформенные ржавые предметы (уголки от сундука).

52. (87). Ул. Владимирская, 2 (на юго-запад от Десятиной церкви). 1948 г. М. Каргер. Южная ориентировка. Гроб: 0,55×2,0 м. По углам найдено пять железных гвоздей. Его северная часть (0,35 м) отделена перегородкой. Возле ног прослеживаются остатки деревянного ящичка. На фалангах рук следы от бронзового перстня. Ноги слегка согнуты и упираются в деревянную перегородку.

53. Снаружи южной стены Десятиной церкви. 2005 г. Г. Ивакин. Гроб: 0,4×0,85 м. Ребенок. Руки вдоль тела. Возле левого плеча амулет-подвеска — клык собаки.

54. (17). Ул. Владимирская, 10. 1910 г. Д. Милеев. Западная ориентировка. Возле шеи лежали шесть стеклянных бусин. Глиняный сосуд «славянского типа».

55. (23). Возле скелета оселок, кремь, железный нож, бронзовая пряжка.

56. Десятиный пер., 3/5. 2008 г. А. Козловский. Юго-западная ориентировка. Овальная могильная яма: 0,35×0,8 м. Тонкая полоска тлена вокруг, гроба нет. Детское погребение плохой сохранности.

57. Десятиный пер., 3/5. 2008 г. А. Козловский. Юго-западная ориентировка. Гроб с ручками. Слева в районе пояса небольшой нож. В засыпке могильной ямы найдено височное кольцо. Левая рука на животе, правая в районе ключиц.

58. Десятиный пер., 3/5. 2008 г. А. Козловский. Западная ориентировка. Гроб с ручками: 0,35×0,85 м. Очень плохая сохранность.

59. Десятиный пер., 3/5. 2008 г. А. Козловский. Западная ориентировка. Могильная яма с нечеткими контурами: 0,35×0,9 м. Руки на грудной клетке.

60. Десятиный пер., 3/5. 2008 г. А. Козловский. Западная ориентировка. Гроб: 0,45×2,3 м. Кисть правой руки на локтевом суставе левой руки.

61. Десятиный пер., 3/5. 2008 г. А. Козловский. Западная ориентировка. Полностью разрушено погребением № 60.

62. Десятиный пер., 3/5. 2008 г. А. Козловский. Западная ориентировка. Гроб: 1,8×0,4 м. Слева, в районе таза, нож с деревянной ручкой, пряжка от ремешка и 2 астрагала. Один с графито — хаотично прочерченные линии. Руки в районе таза.

63—65. Десятиный пер., 3/5. 2008 г. А. Козловский.

Курганная группа 1Б.

Квартал между ул. Владимирской, Десятиной и Большой Житомирской.

(Хойновский 1893: 1—32; Каргер 1958: 138—162; Боровский 1993: 206—216; Боровский, Калюк 1993: 3—42).

66. (104). Усадьба Трубецкого (ул. Владимирская, 3). 1879 г. Т. Кибальчич. В кургане (?) найдена костяная подвеска под уздечку, наконечники стрел, копий.

67—71 (51—55). Усадьба Я. Кривцова (ул. Владимирская, 3). 1892 г. И. Хойновский. Найдены «малые горшки» и клыки вепрей, медведей и барса. Инвентарь этих пяти погребений И. Хойновский в отдельности не описал.

72. (21). Усадьба Трубецкого (ул. Владимирская, 3). 1910 г. Д. Милеев. Верхняя часть разрушена поздней ямой. Слева от таза лежал кожаный кисет, в котором находились: железное кресало, кремь и четыре лесных ореха. Рядом находился железный нож с костяной ручкой.

73. (22). Усадьба Трубецкого (ул. Владимирская, 3). 1910 г. Д. Милеев. Руки вдоль тела. Возле пояса лежал железный нож с костяной ручкой, возле головы целый глиняный сосуд.

74. (37). Усадьба Трубецкого (ул. Владимирская, 3). 1926 г. С. Гамченко. Западная ориентировка. Гроб, сколоченный железными гвоздями. Возле левого плеча лежал железный наконечник стрелы, возле левой руки обломок железного кинжала. Около левой руки фрагменты глиняной посуды, возле ног — расколотые кости животных. Погребенный посыпан пеплом и углем. Сохранились куски бересты, которой была покрыта верхняя часть тела.

75. Усадьба Трубецкого (ул. Владимирская, 3). 1975 г. Я. Боровский. Западная ориентировка. Гроб. Руки вдоль тела. Орнаментированный костяной гребень, две серебряные сережки. Железный ножик. Возле черепа и на правой кисти прослеживаются фрагменты золотой нитки.

76. Усадьба Трубецкого (ул. Владимирская, 3). 1975 г. Я. Боровский. Юго-западная ориентировка. Гроб: 1,9×1,05 м. Руки вдоль тела.

77. Усадьба Трубецкого (ул. Владимирская, 3). 1975 г. Я. Боровский. Юго-западная ориентировка. Гроб. Руки на животе.

78. Усадьба Трубецкого (ул. Владимирская, 3). 1975 г. Я. Боровский. Северо-восточная ориентировка. Медный перстень — один на руке, один неподалеку, фрагмент серебряной сережки.

79. Ул. Большая Житомирская, 2. 1988 г. Я. Боровский. Западная ориентировка. Гроб. Под челюстью ре-

бенка (5—7 лет) лежала серебряная подвеска в виде равноконечного креста с рельефным орнаментом на лицевой поверхности. Под головой — бронзовая литая пуговица-бубенчик. Возле левой руки — лезвие железного ножа со следами дерева (острием на запад).

80. Ул. Большая Житомирская, 2. 1988 г. Я. Боровский. Северо-западная ориентировка. Покойный лежал на спине, голова повернута влево. Руки сложены вдоль тела. Возле ног погребенного ребенка (3—4 года) находился небольшой горшок (первая половина X в.), его высота 12 см, диаметр горла — 12,5 см. На донце клеймо — круг с крестом. Орнамент линейный, по всей поверхности. Возле шеи найдены две бусины. Одна — крупная, пастовая с глазами шаровидной формы. В белых глазах размещены крестовидные фигуры из черного стекла. Другая — двойная шаровидная желтого цвета. Возле тазовых костей слева лежал серебряный бубенчик с шариком внутри.

81. Ул. Большая Житомирская, 2. 2001 г. И. Мовчан. Северная ориентировка. Возле левого бедра подковообразная фибула X ст. Руки сложены в районе таза.

Курганная группа 2

*Михайловский Златоверхий монастырь.
1997—1999 гг. Г. Ивакин.*

(Ивакин, Козюба 2003: 38—51; Ивакин 2005: 287—303).

82. (13). 1997. Юго-западная ориентировка. Гроб. Слева от черепа лежала серебряная с позолотой сережка в виде кольца проволоки, один конец которого был закручен в виде спирали. Рядом находилась половинка битрапедиевидной бусины с зернью. На груди лежал бронзовый крест-подвеска (4,5×4,0 см).

83. (14). 1997 г. Западная ориентировка. Гроб. Сохранился только череп. Слева от челюсти — бронзовое изделие, три бусины, литая пуговица эллипсоидной формы.

84. 1997 г. Западная ориентировка. Гроб.

85. 1997 г. Западная ориентировка. Гроб.

86. 1997 г. Западная ориентировка. Гроб.

87. (62). 1997 г. Юго-западная ориентировка. Гроб. Возле черепа ребенка обнаружено 9 височных колец с концами, которые заходят один за другой, ожерелье из 14 бусин: 4 каменных, 10 стеклянных.

88. (90). 1997 г. Юго-западная ориентировка. Гроб. Бронзовое проволочное кольцо.

89. 1997 г. Западная ориентировка. Гроб.

90. 1998 г. Юго-западная ориентировка. Гроб.

91. (4). 1998 г. Юго-западная ориентировка. Гроб. Ожерелье из 7 бусин: сердоликовой 14-гранной, пастовой 23-гранной — серо-зеленой с желтыми и белыми точками, 3 стеклянных и 2 серебряных (разрушенных). На груди слева — бронзовый бубенчик, слева от таза — железный нож с деревянной ручкой, украшенный серебряной оковкой.

92. 1998 г. Юго-западная ориентировка. Гроб. Железный наконечник стрелы.

93. (95). 1998 г. Северо-западная ориентировка. Гроб. Височное серебряное кольцо с концами, которые заходят один за другой.

94. (142). 1998 г. Северо-западная ориентировка. Гроб. Слева от черепа — серебряное проволочное кольцо с завязанными концами. На шее ожерелье из 3 серебряных и 2 сердоликовых бусин. По центру груди бронзовая литая пуговица. Справа на груди серебряная

подковообразная фибула. На правой руке простое разомкнутое проволочное серебряное кольцо. В ногах — скорлупа яйца.

95. (192). 1998 г. Северо-западная ориентировка. Гроб. Четверть арабского дирхема.

96. 1998 г. Северо-западная ориентировка. Гроб.

97. 1998 г. Северо-западная ориентировка. Гроб. Железный нож.

98. 1998 г. Западная ориентировка. Гроб.

99. (21). 1999 г. Северо-западная ориентировка. Гроб. Справа от скелета — костяное изделие с двумя отверстиями (игольник). Возле таза корродированный нож.

100. 1999 г. Северо-западная ориентировка. Гроб.

Одиночные погребения

(Ивакин, Козюба 2003: 38—51; Боровский, Архипова 1993: 206—216).

101. Софийская площадь. 1998 г. Г. Ивакин. Северо-западная ориентация.

102. Ул. Золотоворотская, 6. 1984 г. Я. Боровский. Западная ориентация. Гроб. Обе руки сложены на животе. Возле шеи лежали 16 бусин — стеклянных (2), пастовых (8) и серебряных с зернью (6); серебряная лунница (в виде полумесяца) с трубчатым ушком. У черепа лежала серебряная сережка и 2 серебряных височных кольца. На пальце правой руки — бронзовый перстень с орнаментом. Обе руки сложены на животе.

103. Ул. Золотоворотский проезд. 1984 г. Я. Боровский. Западная ориентировка. Гвозди от гроба. В погребении найден астрагал.

Некрополь II.

Курганная группа 1

*Усадьба Лурье и Левина (ул. Нижнеюрковская,
4—6) 1899 г. Н. Беляшевский.*

(Каргер 1958: 154—155).

104. (89) Западная ориентировка. Гроб, сбитый гвоздями. Руки скрещены на груди. На правой руке серебряное, украшенное чернью, кольцо.

105. (90). Западная ориентировка. Гроб, сбитый гвоздями. Руки скрещены на груди. На правой руке серебряное украшенное чернью кольцо, возле черепа — серебряная и стеклянная бусины.

106. (91). Западная ориентировка. Гроб, сбитый гвоздями. Руки скрещены на груди. Возле правой ноги стояла небольшая посуда с волнистым орнаментом.

107. (92).

108. (93).

Курганная группа 5

Гора Юрковица. 1965 г. Е. Максимов.

(Максимов, Орлов 1982: 63—72).

109. (1). Разрушено.

110. (2). Юго-западная ориентировка. Могильная яма: 2,3×0,95 м. Труха от гроба, сбитого 14 гвоздями. Мужчина 35—45 лет. Руки вдоль тела. Возле правого бедра погребенного обнаружены остатки сумки: два железных кольца диаметром до 2,5 см и обломки третьего. 6 бронзовых пуговиц шарообразной формы.

111. (3). Разрушено. Юго-западная ориентация. От гроба осталась труха и 1 гвоздь.

112. (4). Разрушено: сохранились только фрагменты черепа и ног. Юго-западная ориентировка. Могильная яма: 2,0×1,5 м. 7 гвоздей от гроба. Железный замок с ци-

№5. 2011

линдрическим корпусом и большой дужкой (4,5 см).

113. (5). Юго-западная ориентировка. Могильная яма: 2,0×0,9 м. 9 гвоздей от гроба. Правая рука согнута в локте, кисть на груди. Железный нож (лезвие 8 см) и ножны от него. Железная подвеска в виде трапеции (молот Тора?).

114. (6). Разрушено. Могильная яма: 2,0×1,0 м.

115. (7). Юго-западная ориентировка. Могильная яма: 1,6×0,75 м. Гвозди от гроба. Кисть правой руки на груди, левой на тазовых костях. В правом углу могильной ямы — остатки от ведра: железная дужка с двумя якоревидными ушками и три обруча (диаметр 15; 16,5; 18,5 см).

116. (8). Скелет ребенка плохо сохранился. Правая рука согнута в локте, кисть на тазовых костях. Юго-западная ориентировка. Могильная яма: 1,1×0,6 м.

117. (9). Могильная яма практически не сохранилась. От погребения осталось несколько трубчатых костей.

118. (10). Разрушено. Остались только фрагменты черепа в переотложенном состоянии. Могильная яма: 2,0×0,85 м. Гвозди от гроба.

119. (11). Юго-западная ориентировка. Могильная яма: 2,0×0,85 м. Пять гвоздей от гроба. Руки согнуты в локтях, кисть правой руки на груди, левой на тазовых костях. Возле кисти левой руки найден железный нож в ислевших деревянных ножнах (длина лезвия 6 см). Костяная трубка (длина 6 см).

120. (12). Юго-западная ориентировка. Яма: 2,2×0,9 м. Гвозди от гроба. Кисти рук на тазовых костях.

Возле правого колена взрослой женщины найден костяной гребешок (6,8 см) с остатками футляра.

121. (13). Разрушено, скелет не сохранился. Могильная яма: 2,0×1,0 м.

122. (14). Юго-западная ориентировка. Могильная яма: 1,95×0,8 м. Гвозди от гроба. Кисть правой руки на тазовых костях, левой на груди. Возле черепа серебряная проволочная сережка, на груди бронзовая шаровидная пуговица.

123. (15). Юго-западная ориентировка. Могильная яма: 2,0×1,5 м. От гроба сохранились ислевшие доски и два гвоздя. Кисти рук на тазовых костях. В заполнении обнаружена пуговица шаровидной формы из медного сплава и височное (?) кольцо из медной проволоки (диаметр 1,4 см).

124. (16). Детское погребение. Юго-западная ориентировка.

Одиночные погребения

(Каргер 1958: 155; Гупало 1975: 46).

125. (94). Ул. Дорогожицкая, 40. 1882 г. Т. Кибальчич. Две медные чашки от весов, коромысло, девять железных гирек, покрытых бронзой. Фрагмент византийской монеты Константина Багрянородного (913—959 гг.).

126. Контрактная площадь. 1971 г. К. Гупало. Гробколада, прикрытая крышкой из досок: 0,35×0,35×1,04 см. Возле шеи найдено ожерелье из янтарной подвески трапециевидной формы и восемь бусин из цветного стекла и пасты.

Литература

- Аничков Е. В. 2003. *Язычество и Древняя Русь*. Москва: Индрик.
- Антонович В. Б. *Известия об археологических находках 1877 года*. IP НБУ. Ф. I/7784. Л. 2—2 об.
- Антонович В. Б. 1879. Археологические находки и раскопки в Киеве и в Киевской губернии в течение 1876 г. *ЧИОНЛ* (1), 250—251.
- Антонович В. Б. 1884. О древнем кладбище у Иорданской церкви в Киеве. *Тр. IV AC в Казани (1877)* (1), 42—43.
- Антонович В. Б. 1895. *Археологическая карта Киевской губернии*. Москва: Типография М. Г. Волчаннинова.
- Андрощук Ф. О., Осадчий Р. М. 1994. Про культурний тип та конструктивно-ритуальні особливості камерних поховань Південної Русі (за матеріалами Києва та Чернігова). *Археологія* (3), 99—106.
- Андрощук Ф. 2004. Скандинавские древности в социальной топографии древнего Киева. *Ruthenica* (3), 30—31.
- Баран В. Д., Гороховський Е. Л., Магомедов Б. В. 1990. Черняховская культура и готская проблема. В: Толочко П. П. (отв. ред.). *Славяне и Русь (в зарубежной историографии)*. Київ: Наукова думка, 30—78.
- Баран В. Д. 1998. *Давні слов'яни*. Київ: Алтернативи.
- Бектинеев Ш. И. 1987. Весы и гири-развесы X—XIV вв. из Белоруси. *СА* (1), 231—238.
- Беляшевский Н. Ф. 1903. Курган-могилка на территории Киева. *АЛЮР* (6), 357—361.
- Бланкофф Ж. 1992. Языческие пережитки в женских украшениях Древней Руси (о черниговских лунницах). В: Коваленко В. П. (відп. ред.). *1000 років Чернігівській єпархії*. Чернігів: Сіверянська думка, 26—30.
- Бліфельд Д. І. 1977. *Давньоруські пам'ятки Шестовиці*. Київ: Наукова думка.
- Бломквист Е. Э. 1956. Крестьянские постройки русских, украинцев и белоруссов (поселения, жилища и хозяйственные постройки). *Труды ИЭ* (31), 3—460.
- Боровский и др. 1988.: Боровский Я. Е., Архипова Е. И., Калюк А. П., Сыромятников А. К. *Археологические исследования в Верхнем Киеве в 1988 г.* НА ІА НАНУ, № 1988/17.
- Боровский и др. 1989. Боровский Я. Е., Калюк А. П., Архипова Е. И. *Отчет об археологических исследованиях в Верхнем Киеве*. ІА НАНУ, № 1989/28.
- Боровський Я. Є., Архіпова Є. І. 1993. Дослідження "міста Ярослава". В: Толочко П. П. (відп. ред.). *Стародавній Київ. Археологічні дослідження 1984—1989*. Київ: Наукова думка, 206—216.
- Боровський Я. Є., Калюк О. П. 1993. Дослідження київського дитинця. В: Толочко П. П. (відп. ред.). *Стародавній Київ. Археологічні дослідження 1984—1989 рр.* Київ: Наукова думка, 3—42.
- Боровський и др. 1998. Боровський Я. Є., Климовський С. І., Архіпова Є. І. *Звіт про археологічні дослідження Старокіївської експедиції у м. Києві в 1998 р. на вул. Володимирівській*. НА ІА НАНУ, № 1998/5.
- Брайчевський М. Ю. 1988. *Утвердження християнства на Русі*. Київ: Наукова думка.
- Велецкая Н. Н. 1978. *Языческая символика славянских архаических ритуалов*. Москва: Наука.
- Вельмин С. П. 1910. Археологические изыскания в Императорской археологической комиссии в 1908—1909 годах на территории Древнего Киева. *ВИАВ* (7—8), 121—153.
- Вельмин С. П. 1918. Производство археологических раскопок. *ОАК за 1913—1915 годы*. Петро-

- град, 167—168.
- Гезе В. 1905. Заметки о некоторых киевских древностях. *ЗОРСА* (7). Вып. 1, 143—146.
- Голубева Л. А. 1949. Киевский некрополь. *МИА* (1), 103—118.
- Гончаров В. К. 1957. Археологичні розкопки в Києві у 1955 р. *Археологія* (10), 124—125.
- Гупало К. М., Толочко П. П. 1975. Давньокіївський Поділ у світлі нових археологічних досліджень. В: Толочко П. П. (отв. ред.). *Стародавній Київ*. Київ: Наукова думка, 40—79.
- Еремина В. И. 1991. *Ритуал и фольклор*. Ленинград: Наука.
- Жарнов Ю. Э. 1992. Животные в погребальном обряде курганов периода становления древнерусского государства. *СА* (2), 76—88.
- Зеленин Д. К. 1991. *Восточнославянская этнография*. Москва: Наука.
- Зоценко В. 2003. Скандинавские древности и топография Киева «дружинного периода». *Ruthenica* (2), 26—52.
- Зоценко В. Н. 2009. Киевский некрополь II: место в исторической топографии города, типология инвентаря, хронология. *Славяно-русское ювелирное дело и его истоки*. Санкт-Петербург, 42—65.
- Ивакин В. Г. 2008. *Християнські поховальні пам'ятки давньоруського Києва*. Київ: КИТ.
- Ивакин Г. Ю. 2005. Погребения X — первой половины XI в. из раскопок Михайловского Златоверхого монастыря (1997—1999 гг.). В: Макаров Н. А., Чернецов А. В. (отв. ред.). *Русь в IX—XIV веках: взаимодействие Севера и Юга*. Москва: Наука, 287—303.
- Ивакин Г. Ю.; Ивакин Г. Ю.; Козубовський Г. А.; Козюба В. К.; Поляков С. С. *Науковий звіт про архітектурно-археологічні дослідження комплексу Михайлівського Золотоверхого монастиря в м. Києві у 1996—1997 рр.* НА ІА НАНУ, № 1997/103.
- Ивакин Г. Ю., Иоаннисян О. М. 2008. Перші підсумки вивчення Десятинної церкви у 2005—2007 рр. В: Ивакин Г. Ю. (відп. ред.). *Дньєслово*. Київ: Корвін Пресс, 191—214.
- Ивакин Г. Ю., Иоаннисян О. М., Елшин Д. Д. 2010. Архитектурно-археологические исследования Десятинной церкви в Киеве в 2008—2009 годах. В: Елшин Д. Д. (отв. ред.). *Архитектура Византии и Древней Руси IX—XII веков*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 377—390.
- Ивакин Г., Козюба В. 2003. Нові поховання X—XI ст. Верхнього Києва (з розкопок Архітектурно-археологічної експедиції 1997—1999 рр.). В: Толочко П. П. (відп. ред.). *Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII—XI ст.* Чернівці: Сіверянська думка, 38—51.
- Ивакин и др. 2003: Ивакин Г. Ю., Козюба В. К., Поляков С. С. 2003. Поховання X—XI ст. В: Нікітенко Н. М. (відп. ред.). *Нові дослідження давніх пам'яток Києва*. Київ: Софія Київська, 93—103.
- Каргер М. К. 1958. Древний Киев. Т. 1. Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР.
- Килиевич С. Р. 1973. *Отчет о раскопках 1973 г. Старокиевского отряда Киевской археологической экспедиции по ул. Десятинной, 2*. НА ІА НАНУ, № 1973/226.
- Килиевич С. Р., Круц О. В. 1982. *Отчет о раскопках Старокиевского отряда Киевской археологической экспедиции за 1982 г.* НА ІА НАНУ, 1982/34а.
- Килиевич С. Р. 1982. *Детинец Києва IX — первой половины XIII веков*. Киев: Наукова думка.
- Кирпичников А. Н. 1966. Древнерусское оружие. *САИ* (1), 5—109.
- Козак О. Д., Гончар В. М. 2003. Поховання кийського дружинника X століття. В: Нікітенко Н. М. (відп. ред.). *Нові дослідження давніх пам'яток Києва*. Київ: Софія Київська, 127—134.
- Козюба В. К. 2004. Городище на Старокиївській горі. В: Звіздецький Б. А. (відп. ред.). *Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII—X ст.* Київ: Корвін Пресс, 139—153.
- Козюба В. К. 2005. Дослідження садиби Десятинної церкви у Києві в 1908—1914 рр. (за матеріалами щоденників Д. В. Мілеєва). *Ruthenica* (4), 169—214.
- Коваленко и др. 2003: Коваленко В., Моця А., Сьгий Ю. 2003. Археологические исследования Шестовицкого комплекса в 1998—2002 гг. В: Толочко П. П. (відп. ред.). *Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII—XI ст.* Чернівці: Сіверянська думка, 51—84.
- Комар А. 2005. К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева. *Ruthenica* (4), 115—137.
- Копилов Ф. Б. 1951. Зрубне поховання біля Десятинної церкви. *Археологія* (5), 233—235.
- Корзухина Г. Ф. 1956. Новые данные об исследованиях В. Хвойки. *СА* (25), 318—342.
- Косарев М. Ф. 2010. Мировоззренческие аспекты традиционной погребальной обрядности (по сибирским материалам). *КСИА* (224), 33—51.
- Лаврентьевская летопись. 2001. Рязань: Александрия.
- Лебедев Г. С. 2005. *Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси*. Санкт-Петербург: Евразия.
- Лебединцев П. Г. 1878. О раскопке на Софийском дворе в мае 1878 г. *ЧИОНЛ* (2), 64—65.
- Лохвицкий К. 1836. О ходе открытия древностей в Киеве до 1836 г. *ЖМНП* (12), 266—268.
- Магомедов Б. В. 1987. *Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.
- Магура С. С. 1935. *Археологічні роботи по дослідженню м. Києва. Київська археологічна експедиція 1935 р. на території колишньої садиби Трубецького*. НА ІА НАНУ, Ф. ПМК/Київ, № 1/104.
- Максимов С. В., Орлов Р. С. 1982. Могильник X ст. на горі Юрковиця у Києві. *Археологія* (41), 63—72.
- Милютин Н. Н. 1997. Древнерусский некрополь Пскова (историко-географическое исследование). В: Семенов В. В. (отв. ред.). *Славянский средневековый город*. Москва: Фонд археологии, 252—260.
- Михайлов К. А. 2001. Древнерусские камерные погребения и Гнездово. В: Мурашева В. В. (отв. ред.). *Гнездово. 125 лет исследования*. Государственный исторический музей, 159—175.
- Михайлов К. А. 2002. Скандинавский могильник в урочище Плакун (заметки о хронологии и топографии). В: Носов Е. Н. (отв. ред.). *Ладога и ее соседи в эпоху средневековья*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 64—67.
- Михайлов К. А. 2004. Киевский языческий некрополь и церковь Богородицы Десятинная. *РА* (1), 35—45.
- Михайлов К. А. 2005. *Древнерусские элитарные погребения X — начала XI вв. (по материалам захоронений в погребальных камерах)*. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Санкт-Петербург.
- Михайлов К. А. 2010. Византийские влияния на парадный костюм североευропейской и древнерусской аристократии эпохи викингов. *Диалог культур и народов средневековой Европы*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 262—279.
- Мовчан и др. 1999а: Мовчан І. І., Боровський Я. С., Кли-

- мовський С.І. 1999. Дослідження «міста Володимира» давнього Києва. В: Гаврилюк Н.О. (відп. ред.). *Археологічні відкриття в Україні 1998—1999 рр.* Київ: Інститут археології НАН України, 26—27.
- Мовчан І.І., Климовський С.І. 1999. Дослідження Китаївського городища та могильника. В: Гаврилюк Н.О. (відп. ред.). *Археологічні відкриття в Україні 1998—1999 рр.* Київ: Інститут археології НАН України, 31—32.
- Мовчан и др. 1999b: Мовчан І.І., Боровський Я.Є., Гончар В.М., Писаренко Ю.Г., Архипова Є.І. 1999. *Звіт про археологічні дослідження Старокиївської експедиції Інституту археології НАН України на вул. Володимирській, 8 в м. Києві у 1999 р.* НА ІА НАНУ, № 1999/23.
- Мовчан и др. 1999c: Мовчан І.І., Боровський Я.Є., Гончар В.М., Писаренко Ю.Г. 1999. Дослідження «міста Володимира» у Києві у 1999 р. В: Гаврилюк Н.О. (відп. ред.). *Археологічні відкриття в Україні 1998—1999 рр.* Київ: Інститут археології НАН України, 124—125.
- Мовчан и др. 2001: Мовчан І.І., Боровський Я.Є., Гончар В.М., Ієвлев М.М. 2001. *Звіт про археологічні дослідження на вул. Великій Житомирській, 2, м. Києва у 2001 р.* НА ІА НАНУ, № 2001/11.
- Мовчан и др. 2002a: Мовчан І.І., Гончар В.М., Ієвлев М.М., Козловський А.О. 2002. *Звіт про археологічні дослідження на вул. Велика Житомирська, 2.* НА ІА НАНУ, № 2002/84.
- Мовчан и др. 2002b: Мовчан І.І., Боровський Я.Є., Гончар В.М., Ієвлев М.М. 2002. Дослідження в «городі» Володимира Стародавнього Києва. В: Гаврилюк Н.О. (відп. ред.). *Археологічні відкриття в Україні 2001—2002 рр.* Київ: Інститут археології НАН України, 187—191.
- Мовчан І.І., Климовський С.І. 2002. Дослідження «граду Ярослава» стародавнього Києва. В: Гаврилюк Н.О. (відп. ред.). *Археологічні відкриття в Україні 2000—2001 рр.* Київ: Інститут археології НАН України, 192—195.
- Мовчан и др. 2003: Мовчан І., Боровський Я., Гончар В. 2003. Нові знахідки з дружинного некрополя Верхнього Києва. В: Толочко П.П. (відп. ред.). *Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII—XI ст.* Чернівці: Сіверянська думка, 114—121.
- Мовчанівський Т. 1936. *Археологічні розкопки в Софійському історично-культурному заповіднику за 1936 р.* НА ІА НАНУ. Ф. ПМКК. № 56.
- Мовчанівський Т. 1936a. *Археологічні роботи по дослідженню м. Києва. Київська археологічна експедиція 1936 р. на території колишньої садиби Петровського.* НА ІА НАНУ. Ф. ПМКК. №9 (118).
- Мовчанівський Т. 1937. *Археологічні роботи по дослідженню м. Києва. Київська археологічна експедиція 1937 р. на садибі колишньої Десятинної церкви.* НА ІА НАНУ. Ф. ПМКК. № 34 (143).
- Моця А.П. 1987. *Население Среднего Поднепровья IX—XIII вв.* Киев: Наукова думка.
- Моця А.П. 1990. *Погребальные памятники южнорусских земель IX—XIII вв.* Киев: Наукова думка.
- Моця О.П. 1993. *Населення південно-руських земель IX—XIII ст.* Київ: Київська академія Євробізнесу».
- Мусин А.Е. 2001. *Христианизация Новгородской земли в IX—XIV вв.* Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.
- Недошивина Н.Г. 1983. Средневековые крестовидные подвески из листового серебра. *СА* (4), 222—226.
- Николаев В. 1873. Корреспонденция из Киева. *Зодчий* (1), 8—9.
- ОАК за 1908 г. 1912. Санкт-Петербург, 132—158.
- Отрощенко В.В. 2005. *Історія племен зрубної спільності:* Автореф. дисс. доктора. іст. наук. Київ.
- Отчет о действиях Временного комитета изыскания древностей в Киеве в 1838 г. 1839. Киев.
- О ходе открытия древностей в Киеве. 1836. *ЖМНП* (12), 260—274.
- Панова Т.Д. 1987. Средневековый погребальный обряд по материалам некрополя Архангельского собора Московского Кремля. *СА* (4), 110—122.
- Панова Т.Д. 2004. *Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI—XVI веков.* Москва: Радуница.
- Печенюк І. 2003. Виробництво клинкової зброї в давньоруській державі. *Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII—XI ст.* Чернівці: Сіверянська думка, 133—138.
- Плетнева С.А. 2003. *Кочевники Южнорусских степей в эпоху средневековья.* Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета.
- Потин В.М. 1971. Монеты в погребениях Древней Руси и их значение для археологии и этнографии. *Труды Государственного Эрмитажа* (12), 49—118.
- Равдина Т.В. 1988. *Погребения X—XI вв. с монетами на территории Древней Руси.* Москва: Наука, 136—143.
- Раппопорт П.А. 1982. Русская архитектура X—XIII вв. *САИ* (Е1—47).
- Раскопки на Верхней Юрковице в г. Киеве 1899. *АЛЛЮР* (1), 75—79.
- Раскопки в Киеве летом 1908 г. 1909. *ИАК* 31, 68—79.
- Раскопки в Киеве летом 1909 г. 1909. *ИАК* 32, 124—134.
- Ресдаль Э. 1986. Язычество, христианство и международные связи. В: Мельникова Е.А. (отв. ред.). *Славяне и скандинавы.* Москва: Прогресс, 134—139.
- Ричка В. 2005. *Київ — другий Єрусалим.* Київ: Інститут історії України НАНУ.
- Рогович А. 1876. Об экскурсии, произведенной в 1875 г. по предложению Киевского общества естествоиспытателей. *Записки Киевского общества естествоиспытателей* (5), вып. 3, 233—234.
- Роздаль Э. 2001. *Мир викингов: Викинги дома и за рубежом.* Санкт-Петербург: Всемирное слово.
- Рыбина Е.А. 1991. Из истории шахматных фигур. *СА* (4), 86—101.
- Рябинин Е.А. Языческие привески-амулеты древней Руси. В: Тимощук Б.А. (отв. ред.). *Древности славян и Руси.* Москва: Наука, 55—63.
- Сагайдак М.А. 1988. О конструкциях погребальных комплексов Киевщины и Черниговщины IX—XX вв. В: Толочко П.П. (отв. ред.). *Чернигов и его округа.* Киев: Наукова думка, 127—135.
- Сагайдак М.А. 1991. *Давньокіївський Поділ.* Киев: Наукова думка.
- Самойловський І.М. 1954. *Археологічна карта Києва. 1949—1954 рр.* НА ІА НАНУ. Ф. 12. № 361.
- Самойловський І.М. 1967. *Археологічні дослідження на території Києва з 1917 по 1967 р.* НА ІА НАНУ. Ф. 12. №110, 269.
- Седов В.В. 1982. Восточные славяне в VI—XIII вв. *Археология СССР.* Москва: Наука.
- Тараненко С.П. 2008. Основні типи споруд масової забудови Подолу Києва X — першої половини XIII ст. *Проблеми історії та археології України.* Харків (7), 79—80.
- Тимощук Б.О. 1976. *Слов'яни Північної Буковини V—IX ст.* Київ: Наукова думка.

- Толочко П. П. 1970. *Исторична топографія стародавнього Києва*. Київ: Наукова думка, 209—215.
- Толочко П. П. 1983. *Древний Киев*. Киев: Наукова думка.
- Фармаковский Б. В. 1913. О раскопках в усадьбе Десятинной церкви летом 1908 г. *ЗОРСА* (9), 292—294.
- Фехнер М. В. 1968. Крестовидные подвески скандинавского типа. В: Крупнов Е. И. (отв. ред.). *Славяне и Русь*. Москва: Наука, 210—215.
- Франклин С., Шепард Д. 2000. *Начало Руси: 750—1200*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Хамайко Н. 2003. Язичницькі старожитності Шестовицького дружинного курганного некрополю (X — початку XI ст.). В: Толочко П. П. (відп. ред.). *Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII—XI ст.* Чернівці: Сіверянські старожитності, 169—174.
- Харламов В. А. 1990. *Архитектура жилых деревянных комплексов Киева X — первой половины XIII вв. (По раскопкам Подола)*: Автореф. дисс. канд. архит. наук. Ленинград.
- Хвойка В. В. 2008. *Древние обитатели среднего Приднепровья и их культура*. Киев: Институт археологии НАН Украины.
- Хвоцинская Н. В. 2002. Погребальные дерево-земляные сооружения на западе Новгородской земли. В: Кирпичников А. Н. (отв. ред.). *Ладога и ее соседи в эпоху средневековья*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 114—121.
- Хойновский И. А. 1893. Раскопка великокняжеского двора древнего Киева, произведенная весной 1892 г. Киев: Типография Императорского университета Св. Владимира.
- Шовкопляс Г. М. 1965. Найдавніші шашки та шахи. *Археологія* (19), 196—200.
- Щавелев С. 2003. Зооморфные остроконечники из состава дружинных древностей Европы VIII—XI вв. В: Толочко П. П. (відп. ред.). *Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII—XI ст.* Чернівці: Сіверянські старожитності, 185—194.
- Эря-Эско А. 1986. Племена Финляндии. В: Мельникова Е. А. *Славяне и скандинавы*. Москва: Прогресс, 169—174.
- Яковенко Н. 2005. *Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України*. Київ: Критика, 2005.
- Hedenstierna-Jonson Ch. 2006. *The Birka Warrior. The material culture of a martial society*. Stockholm: Stockholm University.
- Gräslund A.-S. 1980. *The Burial Customs. A study of the graves on Björkö*. Stocholm: Almqvist & Wiksell International.
- Lamm J. P. 1973. En folkvandringstida kammargrav vid Torsatra. *Fornvännen* (68), 81—89.
- Staecker J. 1997. Bremen — Canterbury — Kiev — Konstantinopel. Auf Spunsuche nach Missionierenden und Missionierten in Altdänemark und Schweden. *Rom und Byzanz im Norden*. Stuttgart, 62—65.
- Staecker Jom. 1999. *Rex regum et dominus minorum*. Stockholm: Almqvist & Wiksell International.

Статья поступила в номер 2 февраля 2011 г.

Vsevolod Ivakin (Kiev, Ukraine). Candidate of historical sciences. Institute of Archaeology of National Ukrainian Academy of Sciences.

Vsevolod Ivakin (Kiev, Ucraina). Candidat în științe istorice. Institutul de arheologie al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei.

Ивакин Всеволод Глебович (Kiev, Украина). Кандидат исторических наук. Институт археологии Национальной Академии наук Украины.

E-mail: wkniaz16@ukr.net